(1914)

(1968)

(1974)

(1994)

(2006)

ИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстоки

Альманах

Истоки

Выпуск № 4

Виктор Саморезов. Артиллеристы Черноморского флота в обороне Новороссийска. 1942 год. Холст, масло. Центральный военно-морской музей

Игорь Константинов. У цементного завода. Место жесточайших боёв. Новороссийск. Холст, масло. 1943 год. Центральный военно-морской музей

Новороссийский клуб старожилов и хранителей истории имени Н.Т. Турчина

Альманах

Истоки

История. Культура. Краеведение.

Выпуск № 4

Новороссийск

2020

13 января 2020 года председатель городского клуба старожилов и хранителей истории «Истоки» имени Н.Т. Турчина А. П. Белова и сопредседатель А.Ю. Коновалова стали лауреатами четвертого городского творческого конкурса журналистского и литературного мастерства «Колокола истории» за безвозмездный труд по изданию литературного и краеведческого альманаха «Истоки».

***

Новороссийский клуб старожилов и хранителей истории имени Н.Т. Турчина выражает сердечную благодарность депутату городской Думы VII созыва муниципального образования город Новороссийск по одномандатному избирательному округу № 3 **Баринову Дмитрию Владимировичу** за помощь в издании альманаха «Истоки».

От чистого истока

Уважаемые читатели!

…С каждым годом Великая Отечественная война уходит всё дальше и дальше, но её отголоски и незаживающие раны бесконечно будут напоминать о ней и тревожить наши души. Война – это страдания матерей, это миллионы погибших солдат и зверски убитых мирных жителей. Искалеченное детство и тысячи сирот, потерявших родителей. Война не щадила ни стариков, ни детей, не обошла ни одну семью.

Время отдаляет те страшные события, но раны остаются навсегда. Разве можно забыть блокадный Ленинград, Курскую дугу! Разве можно забыть сражения на «Малой земле» нашего родного Новороссийска!

С каждым годом всё меньше становится очевидцев и участников тех страшных событий, но не утихает людская боль, и время не лечит от скорби.

Альманах 2020 года посвящен 75-й годовщине со дня победы советского народа над фашизмом. Лишь один из наших авторов был очевидцем событий в военном Новороссийске. Остальные, как и я, послевоенное поколение. Но мы слушали редкие, только под выпитые сто грамм фронтовых в ежегодный день Победы, отрывочные воспоминания наших отцов и дедов, да видели натруженные руки наших матерей, которым достался адский труд в тылу и поднятие из руин наших городов и станиц.

Теперь наша очередь рассказать то, что помним мы нашим детям и внукам. И пусть горе и боль войны, пронесенные нашим поколением уже как гордость за солдат и за Родину, в наших потомках отзовутся убежденностью, что войн быть не должно и врага на родной земле быть не должно!

Алевтина КОНОВАЛОВА
от имени редколлегии альманаха «Истоки»

НОВОРОССИЙСК В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1942 ГОДОВ

22 июня 1941 года – трагический день для нашей Родины – в Новороссийске с утра было пасмурно, и до обеда срывался мелкий кратковременный дождик. В 12 часов по радио выступил В.М. Молотов, сообщивший о вероломном нападении фашистской Германии на нашу страну. Впервые прозвучал лозунг «Наше дело правое, победа будет за нами!»

Примерно в 14-15 часов все воинские части стали покидать места расположения, видно, по заранее разработанному плану, и уходить из города.

Николай Тимофеевич Турчин
Участник ВОВ, Заслуженный строитель РСФСР.
Главный инженер – начальник участка механизации

Из Чапаевских казарм (теперь на этом месте здание «Новошипа») через город уходил 25-й артиллерийский полк, который пришли проводить много горожан, в том числе жены, родители, дети, друзья. Крики прощания, слезы женщин – этого никогда не забыть.

Дислоцирующаяся в городе 157-я дивизия была укомплектована приписным составом из жителей города и прилегающих районов. Все подразделения дивизии, в том числе из летних лагерей, расположенных на теперешней Малой земле, были выведены в лес в районе Владимировки и Борисовки.

В городе началась мобилизация, согласно опубликованному Указу в действующую армию призывались десять возрастов – с 1905 по 1915 годы рождения (на военной службе в это время находились юноши с 1916 года по 1921 годы рождения), а также автотранспорт, конский состав, конногужевой транспорт и служебные собаки – немецкие овчарки, доберманы, которых сдавали в городской отдел ОСОАВИАХИМа (теперь это здание и двор Центра национальных культур). Их использовали на фронте в качестве ищеек, санитарных, сторожевых, а также для подрыва танков. А готовили их таким образом: на собаку надевали ранец со взрывчаткой и штыревой антенной, под танк подвешивался кусок мяса, собак приучали срывать это мясо во время движения танка, и, соответственно, взрывался танк.

Вскоре поступил приказ сдать на время войны радиоприемники и охотничьи ружья с боеприпасами. Были мобилизованы тогда малочисленные такси ЗИЛ-101 и М-1 и автобусы, которые в срочном порядке переоборудовали в санитарные машины. Одновременно в порту сосредоточивались подлежащие мобилизации каботажные, малые пассажирские и рыболовецкие суда, часть которых предназначалась для комплектования Азовской военной флотилии, остальные оставались в составе Военно-морских баз, как тральщики, сторожевые корабли и военные суда.

Подготовкой этих судов как боевых кораблей, их вооружением, комплектованием экипажей занимался полуэкипаж и специалисты Новороссийской военно-морской базы. Полуэкипаж, кроме того, комплектовал маршевые морские стрелковые батальоны и новые военно-морские части, 8-ю и 79-ю бригады морской пехоты.

Основным транспортом в городе оставалась катерная переправа и трамваи в 1-й и 2-й частях города. Чтобы попасть в район заводов «Пролетарий» и «Октябрь», где были разворотный круг и конечная остановка, или в район Мефодиевки, где тоже имелся разворотный круг, ехали на катере до бывшей 2-й пристани (теперь Центральный район порта). Оттуда шли пешком до остановки «Интерклуб» (здесь находился клуб для иностранных моряков) напротив шиферного завода и ехали на трамвае в сторону Мефодиевки или заводов.

В городе тоже ходил трамвай, только один вагон, без прицепного – от теперешнего Дома быта до улицы Исаева, район бывшей 10-й школы.

В тот же день было объявлено о светомаскировке в темное время суток. В общественных местах и в уличном освещении обычные лампочки заменялись на синие. Считалось, что синий цвет не виден с самолета. Окна занавешивались светонепроницаемой тканью или бумагой. Стекла окон оклеивались бумажными или тканевыми полосками, чтобы они не разлетались от взрывной волны. 25 июня утром над городом на большой высоте появился вражеский самолет, по всей вероятности, разведчик, по которому был открыт огонь из всех видов оружия. Город начал жить по законам военного времени. Был введен комендантский час с 22 часов до 6 утра. Организовано дежурство у каждого дома в ночное время.

Где было возможно, копали щели или приспосабливали подвалы домов под бомбоубежища. В школах с помощью шефствующих предприятий учителя и старшеклассники выкапывали или устраивали убежища в подвальных помещениях. У школы № 5 (водников) шефами – Новороссийским портом – было устроено большое убежище, при строительстве которого использовались ковшевые цепи со старой землечерпалки «Зброжек», которое сохранилось до конца 60-х годов.

Был организован сбор средств в фонд обороны, куда жители города сдавали деньги, облигации займов, золотые и серебряные изделия и цветные металлы. Работники завода «Пролетарий» и железнодорожного узла предложили отрабатывать без оплаты по 1-2 дня каждого месяца. В первые дни войны, когда еще не работало Совинформбюро, вдруг появился слух, что нашими войсками взята Варшава. Это воспринималось как должное, так как у всех нас была непоколебимая вера в военную мощь нашей армии. Через несколько дней, когда заработало Совинформбюро, сообщалось, что на западной границе идут тяжелые, кровопролитные бои, и вдруг передали по радио, что нашими войсками остановлен г. Львов – это был шок.

В рекордно короткий срок все 29 предприятий союзного подчинения, местного подчинения и промысловые артели переключены на производство военной продукции, которой было освоено более 170 видов. На основных предприятиях (порт, ж.д. узел, завод «Красный двигатель», ВРЗ и другие) работники переведены на казарменное положение, они трудились круглые сутки. В городе формируются два истребительных батальона для борьбы с вражескими диверсантами и охраны промышленных и транспортных предприятий и аварийно-восстановительный батальон, штаб и казарма которых находились в здании теперешней музыкальной школы № 1, а также 117 групп самозащиты и несколько сандружин, которые принимали участие в ликвидации последствий налетов вражеской авиации и дежурили в отведенных районах и на предприятиях (Материалы отдела пропаганды и агитации, 1988 г., ГК КПСС).

Местную противовоздушную оборону возглавил бывший матрос с линкора «Свободная Россия» Карнау-Грушевский.

3 июля 1941 года по радио выступил Сталин, начав свою речь с обращения «Братья и сестры!», что так было не похоже на него. Он призвал народ оказывать всяческое сопротивление врагу, уничтожая фашистских захватчиков, создавать на оккупированной территории

партизанское движение. Это выступление было программой ведения тотальной войны с фашистами, направленной на полное уничтожение врага.

В середине июля в Новороссийск на судах бывшей пассажирской Крымско- Кавказской линии стали прибывать из Одессы и юго-западных областей первые эвакуированные и первые раненые, которых встречали как героев. Из Одессы и других городов юго-запада Украины, кроме увеличивающегося количества эвакуированных и раненых, стати прибывать транспортные суда с промышленным оборудованием, материалами и зерном. Все эти грузы прямо с борта грузились в вагоны и отправлялись в тыл.

Порт, с середины июля работающий в усиленном режиме, увеличил интенсивность работы. Все руководящие работники и часть грузчиков переведены на казарменное положение. Город в помощь порту направил рабочих артели «Грузчик» и других предприятий. Все прибывающие суда после разгрузки загружались маршевым пополнением, боеприпасами и вооружением и направлялись в Одессу. Новороссийский порт становился главным портом снабжения Одесского участка фронта.

На фронте, в том числе и юго-западном направлении, сложилась тяжелая обстановка. Одесса 8 августа была объявлена на осадном положении, что еще более усилило приток в Новороссийск эвакуированных и транспортных судов с грузами.

Город хотя и принял новый облик в связи с войной, но продолжал жить по меркам мирного времени, особенно в культурном плане. Работали все кинотеатры и театр в городском парке.

На главной улице – Советов и в городском парке, как и в мирное время, было многолюдно, хотя чувствовалось какое-то тревожное ожидание. Танцевальная площадка в городском парке стала традиционным местом прощания молодежи, еще вчерашних школьников, уходящих на войну (1922-23 годов рождения). Стало традицией обязательно прийти станцевать один-два танца, попрощаться с девушками и друзьями и уйти, как очень многие, чтобы не вернуться.

Городской радиоузел в то время располагался в здании Дворца пионеров, на верхнем этаже помещения с куполом (напротив индустриального техникума). Инициативная группа молодежи во главе с талантливым режиссером нашего времени Константином Львовичем Славиным, к глубокому сожалению, недавно ушедшим из жизни, в то время просто Костей Славиным (много позже совместно с Генрихом Боровиком они создали знаменитую киноэпопею «Кровь на снегу» – о битве под Москвой), после 17 часов вели радиопередачи, которых с интересом ожидали новороссийцы, особенно чтение статей Ильи Эренбурга, которые тогда печатались в газете «Правда». Их выразительно читали Вика Резник (Стрельцына Виктория Моисеевна) и Галина Филиппова. Техническое оформление передач выполняли Леля Сухорукова и Владимир Шапошников. Материалы о работе предприятий, жизни города, его людях собирала и систематизировала общественный корреспондент Неля Гавриловна Алексаньян. Некоторые из этих активистов и поныне проживают в нашем городе.

Из репродукторов, установленных на улицах города, в перерывах между сводками с фронтов транслировалась бравурная маршевая музыка. Наверное, это делалось с целью вселить надежду, подбодрить и поднять настроение людей. Порой это многолюдье в городе и бодрая музыка, льющаяся из репродукторов, создавала иллюзию какой-то нереальной тревожной праздничности.

А в городе полным ходом шла мобилизация в армию и на флот. У военкомата и сборных пунктов (школах и клубах), где проводилась мобилизация, было много народа. Здесь ярко отражалась трагедия народа. В одно мгновенье были разрушены планы, мечты и надежды: для молодежи – получить образование, создать семью, завести детей и т.д. Для более взрослых людей – заботы о семье, надежды вырастить детей, дать им образование или специальность. Для пожилых людей – дождаться своих сыновей-кормильцев с фронта и дожить свою жизнь с детьми и внуками.

Дети, жены, невесты, родители висли на уходящих на войну и вместе с ними исходили слезами. Вокруг стоял неимоверный шум: плач, истеричный вой, стоны, выкрики прощания и пожелания вернуться живыми. Командирам команд и работникам военкоматов буквально силой приходилось отрывать призываемых от провожающих и ставить их в строй для переклички.

Раздавалась команда «Шагом марш!», гремел духовой оркестр, что еще более усугубляло окружающую обстановку. Колонна начинала двигаться, а рядом со строем бежали дети и шли родные, стремясь продлить минуты общения со своими дорогими, уходящими в неизвестность, понимая, что многих видят в последний раз. Так и было. Вскоре семьи начали получать похоронки или извещения, что пропал без вести, или встречали с войны инвалида-калеку.

Запомнился эпизод той первой мобилизации. В городе до войны известностью пользовался джаз-оркестр под руководством известного музыканта Брока, которого к началу войны уже не было в живых, но оркестр носил его имя. Этот оркестр в полном составе вместе с инструментами был призван на флот. Проводы и прощание с мобилизованными и приписным составом моряков, направленными на комплектование экипажей кораблей, проходили в районе теперешней пристани катерной переправы, куда подходили гребные катера с эсминцев и лидера «Харьков».

Погрузившись на катера вместе с другими мобилизованными, музыканты оркестра, плача, как и все провожающие, начали исполнять марш «Прощание славянки», который в тот тихий летний вечер гремел на весь порт, до тех пор, пока катера с музыкантами не подошли к кораблям. Это была тяжелая картина, берущая за душу: все это время на берегу стоял плач и стенания провожающих.

16 июля 1941 года призывников 1923 года рождения, тех, кто прошел подготовку в городском аэроклубе, в срочном порядке, эшелоном, направили в 19-е авиационное училище в Ростовской области. Не прошедших медкомиссию, а требования к состоянию здоровья авиаторов были очень высоки, отправили в Краснодарское артиллерийское училище.

В середине июля стали объявлять воздушные тревоги, в основном в ночное время. Фашисты, понимая стратегическое значение Новороссийского порта, начали минировать подходы к Цемесской бухте и саму бухту с воздуха, сбрасывая на парашютах магнитные неконтактные мины. Боевые корабли охраны водного района и зенитчики, расположенные в южной части города, вели по ним огонь.

Первый воздушный налет на порт был 30 августа. Бомбардировщик, пытаясь поразить стоявший в акватории порта теплоход «Грузия», сбросил на него четыре бомбы, которые упали в море, не причинив теплоходу вреда. Налет в эту ночь был комбинированный, так как другие самолеты сбрасывали мины уже непосредственно в акваторию бухты, поэтому всю ночь вспыхивала зенитная стрельба в южной части города. Это была первая бессонная ночь, которую провели новороссийцы. Тревогу отменили только с рассветом.

Занятия в школах 1 сентября начались с некоторым опозданием. Учащихся пришлось перераспределять, так как многие школы были заняты под госпитали, призывные и сборные пункты.

Работники предприятий и учащиеся старших классов и техникумов вместе с преподавателями были направлены на уборку урожая в колхозы и совхозы. Многие старшеклассники оставили учебу и пошли работать на производство, как их матери, взамен ушедших на фронт отцов, старших братьев и мужей.

С 1 сентября 1941 года в городе, как и по всей стране, вводилась карточная система на хлеб и хлебобулочные изделия. Рабочие в зависимости от производства получали 700-800 г, служащие – 700-600 г, дети и иждивенцы – 500-400 г.

В сентябре, в связи с создавшимся тяжелым положением под Одессой, из Новороссийска в срочном порядке отправляется 157-я стрелковая дивизия полковника Д.И. Томилова, которая с приданными ей частями усиления имела в своем составе 20 тысяч человек. Дивизия переправлялась в Одессу тремя группами кораблей в охранении крейсеров и эсминцев.

Несмотря на секретность отправки дивизии, на улицах, прилегающих к порту, даже ночью, когда действовал комендантский час, было много взрослых и детей, надеющихся увидеть, может быть, в последний раз своих родных и близких и попрощаться с ними.

157-я дивизия вместе с 421-й дивизией полковника Г.И. Коченова и морским десантом в район Григорьевки и Чабановки отбросили противника от Одессы, что прекратило обстрел города и порта. Противник понес большие потери и перешел к обороне, произошел перелом в военных действиях в нашу пользу.

Еще в конце августа началась эвакуация из Крыма, незадолго до выхода фашистов к Перекопу. Было вывезено промышленное оборудование, Никитская коллекция и коллекция вин «Массандры» и вин из подвалов Крыма, зерно, оборудование санаториев, больные и раненые. При погрузке теплохода «М. Калинин» в Феодосии в порту командой теплохода была случайно обнаружена картинная галерея знаменитого художника-мариниста Айвазовского и доставлена в Новороссийск. В июне 1942 года последним рейсом последнего надводного корабля лидера «Ташкент» привезена в Новороссийск панорама обороны Севастополя – шедевр батальной живописи. Перед оставлением нашего города с помощью бывшего тогда начальника железнодорожного узла А.А. Александрова эти бесценные шедевры были отправлены в тыл.

12 сентября противник в ночное время произвел комбинированный налет несколькими самолетами на порт и стоящие у причалов суда. В это время другие самолеты минировали акваторию бухты. Две мины упали в районе Импортной пристани и четыре на берегу южнее НовоРЭСа, а две были сброшены в районе Цемдолины.

Мины, упавшие в порту, были подняты водолазами на резиновый плотик и отбуксированы на Суджукскую косу. Первую мину успешно обезвредили, а вторая при разоружении взорвалась. Как говорили военные моряки, она была с ловушкой. Погибли минеры.

В Цемесской бухте на фарватерах и подходах к бухте создалась минная опасность, с которой Новороссийская военно-морская база вела постоянную борьбу. Сначала из-за отсутствия средств и кораблей в основном взрывали мины путем сбрасывания на их место нахождения глубинных бомб с торпедных катеров, идущих на большой скорости. Позже для уничтожения мин был применен специальный караван. Деревянная шхуна «Крапивницкий» на длинном пеньковом канате буксировала сейнер «Спартак», на котором был дизель-генератор, подающий ток по специальному кабелю на специальную баржу, загруженную металлоломом, чтобы создать большое магнитное поле. В результате этого мина, лежащая на дне, взрывалась на сдержке каравана, который был тоже на длинном пеньковом буксире. Деревянный сейнер № 8 вместе со шхуной «Крапивницкий» участвовал в управлении движением каравана.

Николай ТУРЧИН,

записано около 2003 г.

В СЕНТЯБРЕ 1942 ГОДА

Главы из книги «Поиск неизвестных защитников Новороссийска»

Из докладной записки председателя Комитета обороны города Новороссийск Николая Васильевича Шурыгина:

«Партийная организация города вместе с работниками военкомата в дни непосредственной угрозы, нависшей над городом, мобилизовала в ряды 47-й армии для защиты города более двух тысяч жителей…

В армию пошли почти все коммунисты за исключением женщин и некоторых ответственных работников, которые возглавляли предприятия и учреждения. Пошли они главным образом политруками и комиссарами.

Примерно с 12-го августа началась усиленная бомбёжка города вражеской авиацией. Жизнь в течение нескольких дней была буквально парализована.

Предприятия почти все перестали работать, закрылись магазины и другие учреждения, обслуживавшие нужды граждан. Ряд руководителей спасовал и убежал, бросив работу и государственные ценности.

Так, например, из города постыдно убежали: Крохин – заведующий горздравотделом, ряд работников Новоросторга, директор гортрамвая, заведующий горкоммунхозом, заведующий гортопом…

Пришлось на ходу перестраиваться, восстанавливать работу предприятий и учреждений, выдвигать на руководящую работу новых людей. И городская партийная организация не ошиблась в подборе кадров.

Несмотря на то, что многие из них не были подготовлены, подавляющее большинство их справилось с работой. Была восстановлена нормальная жизнь города, при помощи партийного актива: открылись магазины, заработали поликлиника и больница, начали нормально работать учреждения.

Эта относительно нормальная жизнь продолжалась под сильным артиллерийским обстрелом до самого почти последнего дня – 4 сентября.

Штаб НОРа (Новороссийского оборонительного района) расположился в школе № 3.

В штабе обороны находились: Горшков – заместитель командующего НОРа, Прокофьев – член Военного совета, полковник Добров – замначальника гарнизона, полковник Яблонский – замначальника гарнизона по артиллерии. Там же находился и комитет обороны города в лице Шурыгина, Эрганова и Васева.

Первую часть города, где находился комитет обороны, защищали главным образом части морской пехоты, изрядно потрёпанные уже на подступах к городу, уставшие в результате многодневных боев.

Кроме того, не было серьёзно разработанного плана обороны города и в особенности плана ведения уличных боев. Связь между штабами и частями была очень слабая. Вопросу организации связи с отдельными частями и наблюдению за продвижением противника отдельными работниками НОРа не уделялось должного внимания.

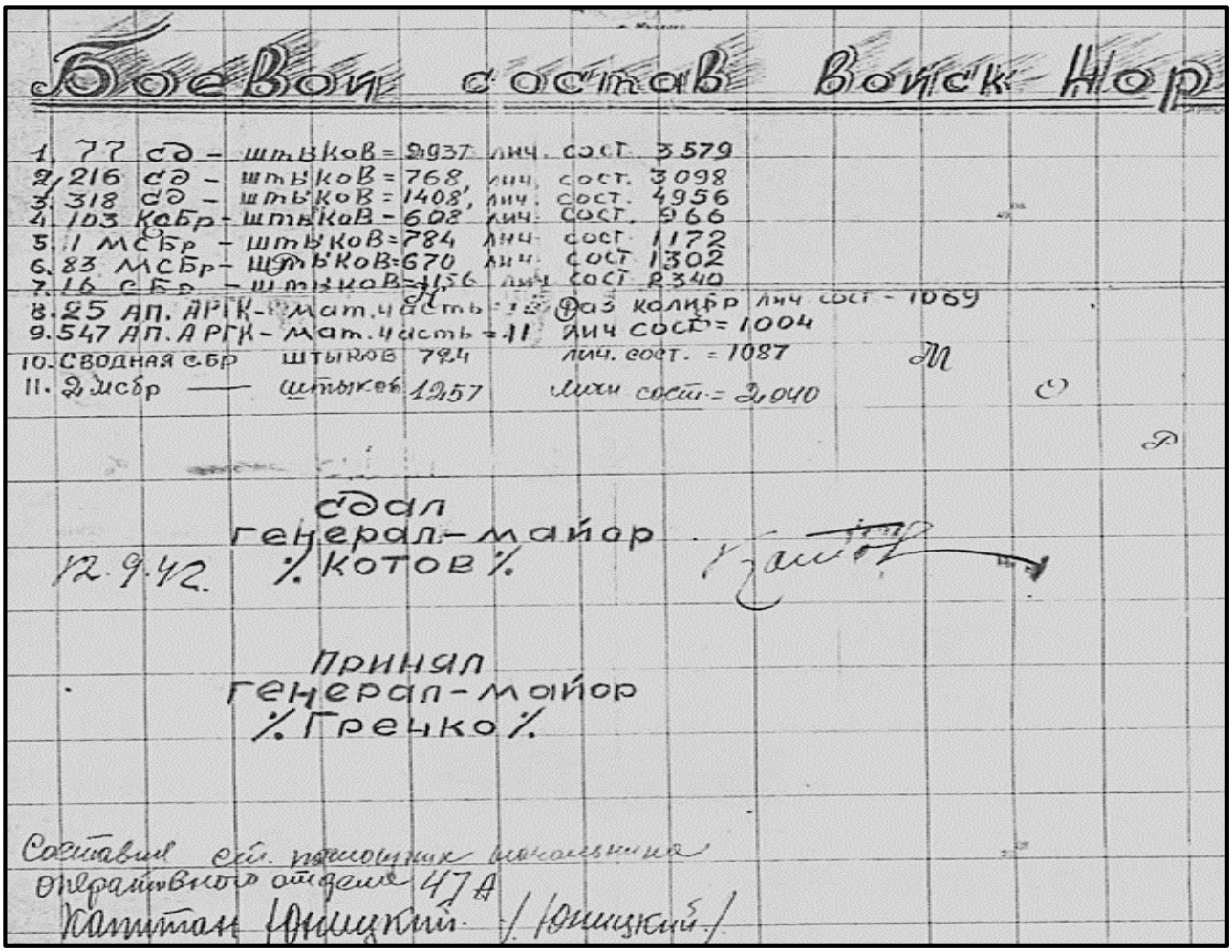
Например, подполковник Яблонский по указанию командования послал на вышку МПВО своего наблюдателя, но к вечеру почему-то снял его и, несмотря на наши требования и приказ заместителя командующего Горшкова, так и не послал его снова на вышку. Оказывается, потому что на вышке опасно, могут убить. Двух работников МПВО там ранили, поэтому лейтенант, посланный на вышку, предпочёл туда не являться.

К сожалению, точно так же поступали и другие командиры, которые не выходили из убежища и укрытий, не были на передовых позициях, не воодушевляли бойцов своим личным присутствием, не исправляли серьёзные недостатки в руководстве боем…

Артиллерии было много, но работала она плохо, и не потому что личный состав плохой, а потому что подполковник Яблонский – командующий артиллерией был абсолютно не подготовлен к руководству, не знал города, его расположения и сам не верил в успех своего руководства. Последние три дня он все просил у Горшкова разрешения на выезд из города.

Это не значит, что не было хороших командиров, они были. К таким можно отнести командира 4-го батальона и коменданта гарнизона Бородянского, которые показали исключительные образцы мужества и руководства.

Четвёртый батальон, комендантская рота, взвод истребительного батальона и другие



Боевой состав Войск НОР

1. 77 сд – штыков = 2937 лич. сост. 3579
2. 216 сд – штыков = 768, лич. сост. 3098
3. 318 сд – штыков = 1408, лич. сост. 4956
4. 103 КоБр – штыков – 608 лич. сост. 966
5. 1 МСБр – штыков = 784 лич. сост. 1172
6. 83 МСБр – штыков = 670 лич. сост 1302
7. 16 СБр – штыков = 456 лич сост 2340
8. 25 АП. АРГК – мат. часть – 12 фаз калибр лич сост – 1069
9. 547 АП. АРГК – мат. часть – 11 лич сост = 1004
10. Сводная СБр штыков 784 лич. сост. = 1087
11. 2 МСБр — штыков 1257 лич сост = 2040

Сдал
генерал-майор
12.9.42. %Котов%

Принял
генерал-майор
%Гречко%

Составил ст. помощник начальника
оперативного отдела 47А
Капитан Юницкий /Юницкий/

Список боевого состава НОР

части боролись неплохо, не хватало только хорошего оперативного руководства и должной связи между частями, что целиком зависело от руководства НОРа.

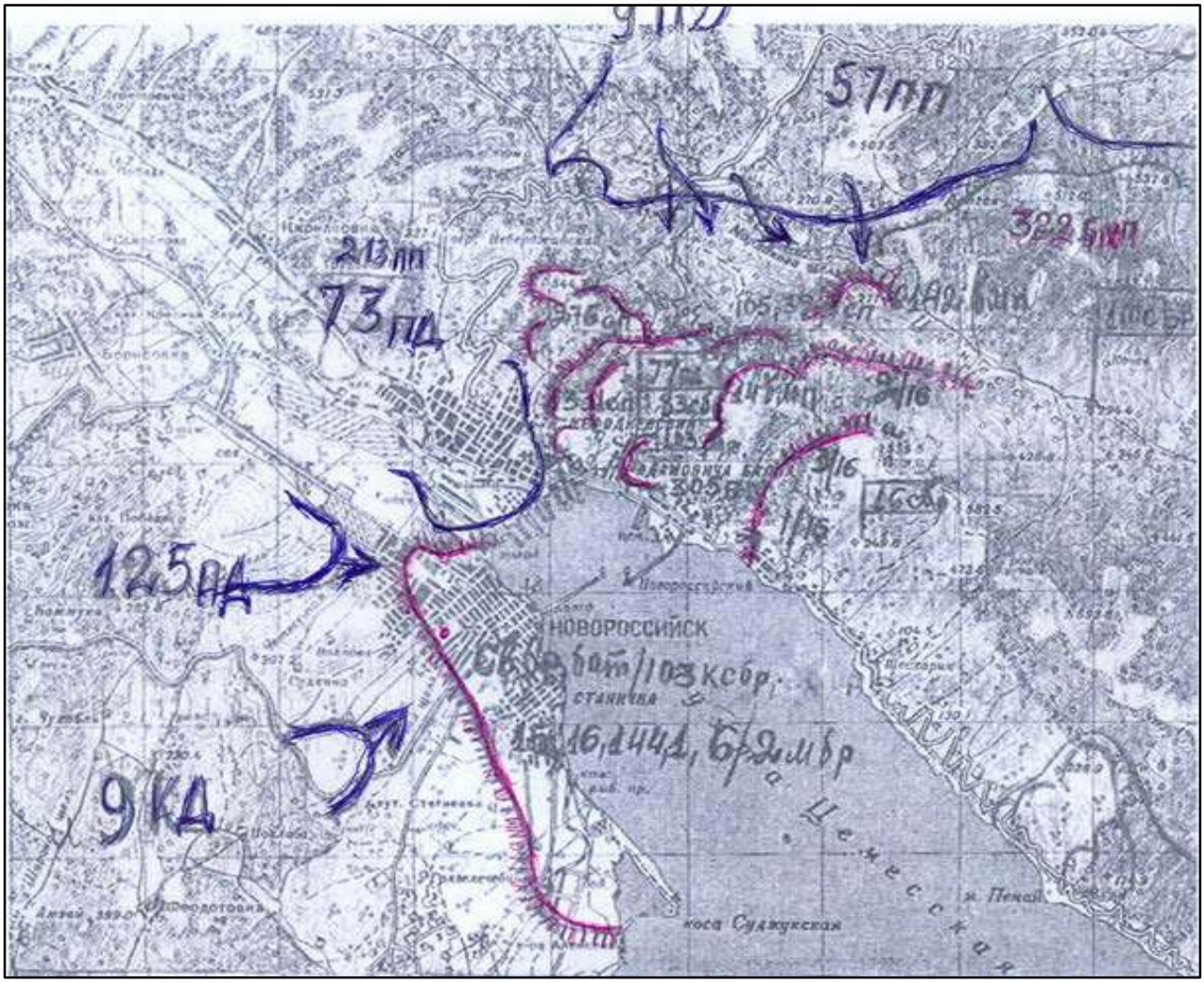
Поражает отсутствие дисциплины в частях. Части беспорядочно отступали, и никто их не останавливал. Отдельные красноармейцы и даже командиры бросали оружие, и к ним никто не принимал мер… Я сам лично задержал в здании 3-й школы переодетого в штатское сержанта, который бросил где-то своё оружие. Мы его расстреляли с майором Бородянским на глазах у комендантской роты.

Случаям дезертирства и перехода на сторону вермахта способствовала активная пропаганда врага, оформленная в виде обращений, листовок и плакатов, во множестве разбрасываемых на позиции советских войск и жилые кварталы города. Вражеская пропаганда была рассчитана особенно на успех среди украинцев из батальонов морской пехоты, выведенных из Крыма.

Как известно даже не военному, оборона должна быть активной, она должна обязательно сопровождаться контратаками – активными попытками выбить инициативу из рук противника, этого при обороне Новороссийска совершенно не было! Была только оборона, плохо организованная.

На советской карте красным отмечено положение войск НОР и синим положение наступающих войск вермахта на 7 сентября 1942 г.

Более того, кое-кто и, в частности, сам Горшков создавали мнение о том, что на Новорос-



сийск наступают крупные силы противника, и вывод делался таков, что задача состоит в том, чтобы продержаться в Новороссийске несколько дней. Ясно, что с такими мнениями нельзя было по серьёзному бороться за город!

Какую же помощь оказал Комитет обороны военному командованию в период борьбы за город Новороссийск? Мы вынуждены были взять в свои руки снабжение частей продуктами питания. Создали госпиталь и оказали помощь раненым бойцам и командирам. Организовали связь, посылали своих людей в разведку и руководили строительством баррикад.

При Комитете обороны была создана группа коммунистов, готовых к выполнению любых заданий, при помощи которых мы оказали серьёзную помощь командованию.

В результате обхода противником укреплений на Волчьих воротах в ночь с 6 на 7 сентября 1942 года противник ворвался в город, дошёл до клуба Сталина и завода «Красный двигатель» и таким образом разрезал город на две части, связь со второй частью города была прервана. Руководство и связь осложнились, затруднён был подвоз боеприпасов, ибо бухта обстреливалась противником из артиллерии и миномётов.

Не имея чётких и ясных директив в отношении организации уличных боев, не имея в достаточном количестве боеприпасов, плохо организованные и плохо поддерживаемые артиллерией, которая имелась в достаточном количестве, части стали отходить…

Вечером 8 сентября командование покидает 3-ю школу и переходит на командный пункт погранотряда ближе к рыбному заводу.

В эту же ночь выезжает, на 9-й километр, член Военного совета Прокофьев, а затем и заместитель командующего НОР контр – адмирал Горшков, передавший командование командиру сводной бригады подполковнику Кравченко. Подполковник Добров, непосредственно руководивший операциями в период пребывания Горшкова, по его словам, остался не удел и поэтому лёг спать. Этому примеру последовал и подполковник Кравченко.

Пассивность и растерянность оставшихся командиров бросалась в глаза так, что мы вынуждены были с помощью комиссара бригады и заместителя начальника политотдела военно-морской базы вмешаться, заставить их работать и предложили свой план создания опорных пунктов обороны.

План был принят. Мы прикрепили к каждому батальону по несколько человек наших коммунистов, вместе расставили людей по домам, быстро создали опорные пункты, откуда имели возможность противодействовать просачиванию автоматчиков и поэтому продержались до вечера.

Весь день 9 сентября мы ожидали обещанной помощи, а Горшков обещал нам прислать полк морской пехоты и боеприпасов.

Ничего этого нам не прислали, зато ночью, часов в 12, получили постановление Военного совета об эвакуации всех частей с городской стороны, что и было сделано ночью с 9 на 10 сентября 1942 года».

Секретарь Новороссийского горкома ВКП(б) Н. В. Шурыгин 19.12.1942 г.

О сложности и динамичности обстановки свидетельствует тот факт, что прорыв противника в Новороссийск был первоначально расценён неадекватно обеими сторонами.

Прибывший в Новороссийск вместе с новым командующим 47-й армии генералом А.А. Гречко новый член Военного совета армии генерал Е.Е. Мальцев так описал сложившуюся обстановку:

«Картина выяснялась в общем-то неприглядная. Слабым было взаимодействие пехоты, артиллерии, авиации и флота. Не чувствовалось твёрдой руки командующего, Военного совета армии. Рода войск действовали в сущности сами по себе. Со многими частями штаб не имел связи. Бойцы каждой войсковой единицы, входившей в состав 47-й армии, героически сражались с наседавшим противником, но между ними не было взаимосвязи. Не существовало единого и чёткого плана обороны, потому подчас уязвимые места на стыках и флангах частей и соединений оставались открытыми, без укреплений, без войск. Резервы были израсходованы».

На снимке – административный план центральной части города, составленный землемрами Тюменевым В.И. и Журавлевым А. К. от 26.05.1932 года, с нанесённой мной линией позиций 2-й МБР по улицам центральной части города Новороссийска согласно сводкам штаба НОР по состоянию на 21-00 8 сентября 1942 года.

На этом рубеже ночью дерзкими контратаками защитников города было остановлено продвижение противника по улицам Энгельса, Лейтенанта Шмидта, Лагерной (Цедрика) и был образован последний рубеж обороны по состоянию на 9 сентября 1942 г., проходящий до рыбного завода и Суджукской косы.

Однако наряду со слабой организацией обороны армейским руководством защитники города Новороссийска героически сражались в окружении в западной части города. Об этом свидетельствуют сведения наградных листов, которые дают нам возможность узнать скупые подробности героических эпизодов обороны штаба НОР на улицах прилегающих кварталов в центре города в

самые трагические дни обороны – первой декаде сентября 1942 года. И самое важное – назвать имена защитников города.

Ниже из наградных листов приведены имена героев-защитников позиций вокруг штаба НОР и краткое описание боевых заслуг. Комендант гарнизона Новороссийска – майор **Пётр Давыдович Бородинский** самоотверженно выполнял задания командования по организации обороны города, восстанавливал положение в районе железнодорожной станции Новороссийск, чем задерживал продвижение противника. Он командовал сводным отрядом, куда вошли караульная рота, народные ополченцы, дружинники МПВО, командовал комендант города майор Бородянский. Непосредственно участвовал в ночных поисках противника (в разведке), где и был ранен 8 сентября 1942 г. Умело руководил и вводил в бой силы караульной роты и истребительного батальона, чем оказал помощь войскам 2-й бригады морской пехоты.

Батальонный комиссар **Алексей Ильич Кулешов** в период обороны города решительно пресекал факты нерешительности и растерянности отдельных работников штаба 2-й Бр. МП, активно помогал в налаживании связи между частями и в организации разведки.

Командир инженерного батальона капитан **М. Д. Зайцев**. В упорных уличных боях редели флотские батальоны. Сапёры капитана Зайцева сами заняли часть сооружённых ими укреплений и вели заградительные бои.

Замполитрука караульной роты **Лев Беркович** руководил несколькими отделениями бойцов на переднем крае обороны. 8 и 9 сентября в дни ожесточённых боев за город Новороссийск находился в наиболее сложных местах… При прорыве автоматчиков к линии обороны 8 сентября на ул. Красноармейской отразил наступающего противника.

Политрук 3-й роты 179 инженерного батальона Новороссийской МВБ **Александр Иванович Зотов**, командуя ротой на рубеже обороны рынок – холодильник, организовал из разрозненных частей морской пехоты группу из 80 человек и повёл на штурм захваченного врагом холодильника. Взял его и удерживал до получения приказа об отходе – 09. 09..1942 г. Лично уничтожил несколько десятков фашистов.

Младший лейтенант **Коротких** руководил боем при защите Новороссийска, организовал в ходе боев наблюдение за противником с крыш и из окон домов. Когда на соседнем участке группа бойцов в панике стала отходить с позиций в центре города, он остановил их и повёл бойцов в атаку, восстановив линию обороны.

Старшина **Леонид Анастасович Дмитриади**, выполняя 8 сентября задание по разведке и поиску вражеских автоматчиков, засевших в районе здания политуправления НКВД по улице Красноармейской, был ранен в ногу. Несмотря на ранение, продолжал вести разведку и возвратился в штаб только после выполнения задания. 9 сентября с группой разведчиков пробрался в тыл противника и успел доставить полученные сведения командованию, способствовал предотвращению удара во фланг нашим частям.

Старший сержант **Александр Николаевич Белоусов** – командир взвода разведки при управлении Коменданта гарнизона города Новороссийска 8 – 9 сентября 1942 г. принимал участие в ожесточённом бое и уничтожении автоматчиков врага, прорвавших линию обороны штаба НОР в районе Красноармейской (Революции 1905 г.) – Энгельса – Лагерной (Цедрика).

Сержант **Борис Павлович Золотовский** – командир зенитного орудия 8 сентября, когда погибли артиллеристы его расчёта, с одним краснофлотцем вёл огонь прямой наводкой по прорвавшимся танкам противника на ул. Красноармейской. Один танк был уничтожен, второй подбит. Накануне, 7 сентября, его орудие уничтожило два танка, он отбил две атаки врага и рассеял наступление румыно-немецких войск.

Краснофлотец **Иван Сергеевич Чуксеев** – электрик связи района СКиС Новороссийской ВМБ ЧФ, сражаясь в уличных боях, проявил образцы мужества, отваги, бесстрашия и стойкости. 8 сентября при прорыве в центре города к штабу НОР под прикрытием танков автоматчиков врага, превосходящих в несколько раз группу краснофлотцев, Иван не дрогнул перед наседавшими фашистами. Автоматчики противника стремились окружить отважных защитников штаба

НОР со всех сторон. Краснофлотец И.С. Чуксеев, получив приказ об отходе на новый рубеж, ог нём из автомата прикрыл отход наших воинов. Он вывел из окружения командира и комиссара Новороссийской ВМБ и лично уничтожил десяток вражеских автоматчиков.

Особое значение при уличных боях имели оборонительные сооружения. Г.Н. Холостяков в своих воспоминаниях так описывает строительство оборонительных сооружений:

«*Городской Комитет обороны и командование Новороссийской базы получили приказ оборудовать систему укреплений и огневых точек в самом городе.*

На улицах появились десятки баррикад и пулемётных точек. Сооружались противотанковые препятствия, пробивались амбразуры в каменных заборах, закладывались фугасы.

Около ста крепких толстостенных зданий были превращены в опорные пункты и приспособлены для укрытия бронебойщиков, бутылкометателей.

В работах участвовал приданный нашей базе инженерный батальон капитана М. Д. Зайцева. Но его бойцы были главным образом инструкторами, бригадирами, а основными строителями укреплений стали жители Новороссийска, большей частью женщины и подростки…»

В этой связи 2 сентября 1942 года Военный Совет фронта постановил: дополнительно построить в городе Новороссийске 50 огневых пулемётных точек:

а) на направлении Верхне-Баканский и Анапского шоссе – 20 точек, в направлении Старо-Абрау-Дюрсовское шоссе и Мысхако – 15, на направлении Неберджаевское шоссе – 10 точек и в районе цементных заводов – 5 точек.

б) артиллерийских точек для 76 и 45-мм орудий – 12 точек:

на направлении Верхне-Баканское шоссе – 4 точки, на направлении Абрау-Дюрсовского шоссе – 3 точки, на направлении Неберджаевского шоссе – 3 точки и на направлении Геленджик – 2 точки.

в) подобрать отдельные здания, не менее 100, и приспособить их под огневые точки для действий автоматчиков, гранатомётчиков и бутылкометателей.

г) соорудить в городе при входе и по улицам противотанковые препятствия: ежи из рельсов и балок в количестве не менее 500 штук.

д) построить по городу не менее 75 баррикад, для чего использовать цемент, часть вагонов и разрушенные дома.

е) заложить фугасы на основных направлениях.

Руководство всеми работами по укреплению обороны города возложить на капитана 1 ранга тов. Холостякова и на тов. Шурыгина».

К утру 7 сентября, по данным наших разведчиков, в восточный район Новороссийска втянулись два полка 9-й немецкой пехотной дивизии, усиленные группами танков. В упорных уличных боях редели флотские батальоны. Сапёры капитана Зайцева сами заняли часть сооружённых ими укреплений.

Западную часть города защищал сводный отряд, куда вошли караульная рота, народные ополченцы, дружинники МПВО, командовал отрядом комендант города майор Бородянский…»

8 и 9 сентября 1942 года по праву можно назвать теми днями, когда германское командование упустило победу на Кавказе. Быть может, больше – победу во Второй мировой войне.

«От Советского Информбюро. Оперативная сводка за 10 сентября 1942 года. После ожесточённых боев наши войска оставили город и порт Новороссийск» …

Виктор БУРАВКИН

Обьявление

о мерах наказания за нарушение населением приказов оккупационных властей

1. Запрещается: хождение гражданского населения вне пределов своего ме жительства без особого письменного разрешения (пропуска), выдан ближайшей германской воинской частью.

2. Запрещается: гражданскому населению находиться вне дома по наступле темноты без особого письменного разрешения (пропуска), выдан ближайшей германской воинской частью. Назначенные запретные ча опубликовываются старостами. Проход в бомбоубежище во время воздуш тревоги разрешается и в запретные часы.

3. В населенных пунктах, где не расположены германские воинские час пропуска должны быть затребованы старостой в ближайшей германск воинской части.

4. Население обязано заботиться о тщательной маскировке света в своих домах.

5. Все местные жители населенных пунктов обязаны зарегистрировать Регистрационные списки должны быть предъявлены местному коменда или органам, назначенным для контроля.

6. Запрещается принимать на жительство к себе лиц, не принадлежащих к чис местного населения.

7. Население обязано немедленно сообщать старост о находящихся в дере чужих лицах. В случае появления подозрительных лиц, при чинимых чужи лицами вымогательствах и насилиях население также обязано немедле сообщать об этом в ближайшую германскую воинскую часть.

8. За спрятанное оружие, отдельные части оружия, патроны и проч боеприпасы, за всякое содействие большевикам и бандитам и за причинени германским вооруженным силам ущерб виновные будут наказаны смерти казнью.

9. Запрещается: для всего гражданского населения, за исключением л состоящих на службе при германской армии, и железнодорожников, подходить железнодорожному полотну на расстоянии ближе 100 м с обеих сторон желез дороги, а также движение по проезжим дорогам и обработка полей в предел этой же запретной зоны. Переходить или переезжать железнодорожное полот разрешается только по специально разрешенным переездам.

По всем лицам, действующим наперекор этому приказу, часовым приказа стрелять без предупреждения.

1941 год.

Главнокомандующий Германскими Войсками.

Смерть немецким оккупантам!

ClubRetro.ru

Граждане города Новороссийска!

Дорогие товарищи!

Сегодня войска героической Красной Армии и моряки Черноморского флота освободили наш родной Новороссийск от немецких и румынских оккупантов. Целый год немецко-румынские бандиты творили в Новороссийске кровавые злодеяния. Десятки тысяч дорогих нашему сердцу людей погибли от рук злодеев.

Вечная память борцам за свободу нашей Родины! Проклятье немецким разбойникам и их румынским прихвостням!

Наш родной Новороссийск разрушен немецкими оккупантами. Цемзаводы Новороссийска, его знаменитый элеватор, электростанция, прекрасные жилые дома—все это представляет из себя груду развалин. Дикие немецкие орды хотят превратить цветущие районы, откуда их сейчас гонит Красная Армия, в зону пустыни. Невиданные разрушения и зверства чинят немцы на нашей русской земле. За все их злодеяния мы отомстим! Ничего мы не забудем и ничего не простим! Месть, беспощадная месть проклятым палачам!

5-го июля 1943 года немцы начали „решающее" наступление на Орловско-Курском и Белгородском направлениях. Оно продолжалось 10 дней. Части Красной Армии не только остановили немецкие полчища, но и перешли в решительное контрнаступление.

Доблестная Красная Армия, руководимая нашим любимым и гениальным полководцем Верховным Главнокомандующим Маршалом Советского Союза товарищем Сталиным, сорвала наступление немцев в этом году и успешно гонит немецкие войска с нашей родной земли. За это время полностью освобождена Курская область, Ростовская область, Донбасс. Частями Красной Армии взяты Орел, Белгород, Харьков, Сумы, Ельня, Таганрог, Конотоп, Сталино, Бахмач, Мариуполь, Нежин, тысячи сел и деревень. Только с 5-го июля по 5 сентября 1943 года войска Красной Армии уничтожили самолетов противника 5.729, танков 8.400, орудий 6.192 автомашин более 28 тысяч. Захвачены огромные трофеи: танков 1041, орудий разного калибра 2.018, пулеметов 5.382, автомашин 7.854. Противник потерял только убитыми более 420 тысяч солдат и офицеров, взято в плен 38.600 немецких солдат и офицеров. Потери противника не восполнимы, окончательный разгром Германии приближается.

Войска наших союзников Англии и Соединенных Штатов Америки, захватив Сицилию, высадились в Южной Италии. 8-го сентября штаб союзных войск в Северной Африке сообщил о капитуляции Италии. Главнокомандующий вооруженными силами союзников генерал Эйзенхауэр заявил, что итальянское правительство безоговорочно капитулировало со своими вооруженными силами. Италии предоставлено военное перемирие на условиях, одобренных Соединенными Штатами Америки, Англией и СССР.

Итальянскому флоту приказано: кораблям, находившимся в Средиземном море, сдаться Англии, кораблям, находившимся в Черном море, сдаться Советскому Союзу.

Фашистская коалиция разваливается. Изоляция Германии все больше растет. Близится час полной победы над врагом.

Товарищи новороссийцы!

От имени моряков Черноморского флота поздравляем Вас с днем вашего освобождения от немецко-фашистского ига и вместе с Вами склоняем свои головы над трупами патриотов нашей Родины, погибших от рук немецких и румынских палачей.

Никогда не бывать больше врагу в нашем родном Новороссийске. Враг отступает на всех фронтах. Он не имеет больше сил, чтобы остановить победоносное наступление могучей Красной Армии.

Всеми силами помогайте частям Красной Армии и морякам вылавливать укрывшихся в городе немецко-фашистских солдат и офицеров!

Помогайте вылавливать предателей и шпионов и передавайте их в органы комендатуры, а также частям Красной Армии и Военно-Морского Флота!

Активно включайтесь в работу по восстановлению разрушенного немцами и румынами хозяйства города.

Пройдут годы, мы снова отстроим наш Новороссийск, мы восстановим его заводы, электростанции, его дома, памятники и заживем счастливой и радостной жизнью.

Советских патриотов, беззаветно сражавшихся с лютым врагом и погибших героями, мы воспоем в наших песнях и былинах.

Все силы на помощь Красной Армии и Военно-Морскому Флоту в деле окончательного разгрома немецко-фашистских оккупантов!

Да здравствуют героическая Красная Армия и доблестный Военно-Морской Флот!

Да здравствуют граждане города Новороссийска!

Да здравствует Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза товарищ СТАЛИН!

Политический Отдел Новороссийской Военно-Морской Базы

«ОДНО ВОСПОМИНАНИЕ О КАЗАЧЬЕЙ АТАКЕ ПОВЕРГАЕТ МЕНЯ В УЖАС И ЗАСТАВЛЯЕТ ДРОЖАТЬ»

Боевой путь 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса

История кубанского казачества легендарна, ибо реальные события похожи на былины о гордых свободолюбивых людях. Завоевание Кавказа, охрана южных границ России, участие в русско-турецких войнах, трагические страницы гражданской войны и истребления казачества в первые годы советской власти…. Многое пережито и выстрадано. Но с каждым новым испытанием дух кубанского казачества становился тверже. И когда на русскую землю пришла самая страшная беда – война с немецким фашизмом, – на защиту Родины поднялись все Кубанские станицы…

Необходимое предисловие

Приводя в порядок свои журналистские архивы, наткнулся на папку со сценарием телепередачи «Гвардия Кубани» из документального цикла «День Памяти», который я в качестве автора и режиссера готовил к 50-летию Великой Победы еще в начале 1990-х годов, работая на телевидении. Передача была посвящена боевому пути 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса в годы Великой Отечественной войны.

Заинтересовала меня эта тема тогда не случайно, ведь в составе этого соединения всю войну прошли и вернулись домой с победой три родных брата моей бабушки по материнской линии, казаки станицы Преображенской. Хотелось узнать, через какие испытания прошли мои деды.

Перечитанные строки сценария оживили память, вернули образы еще живых и бодрых в те давние теперь уже годы казаков-ветеранов. Попытался отыскать следы самой телепередачи, хотя бы ее рабочих съемок. Следы затерялись…

Тогда решил подготовить сценарий к публикации в своей родной краевой газете «Вольная Кубань». В сценарном плане были использованы цитаты из книг о гвардейском Кубанском кавкорпусе, из мемуаров казаков, а также зафиксированные объективом телекамеры живые свидетельства участников боев, которых удалось найти в городе-герое через местный Совет ветеранов.

Когда текст уже был готов к публикации, мне позвонил мой бывший коллега Сергей Пестерев и сообщил радостную весть: фильм нашелся! Вскоре, надеюсь, он будет демонстрироваться в казачьих школах и классах, в казачьих кадетских корпусах Краснодарского края. Молодежь должна увидеть тех, кто в годы самой кровопролитной из всех войн продолжал славные героические традиции первых казаков, осваивавших Кубань.

Текст публикуется впервые (в сокращенном и адаптированном варианте).

ГВАРДИЯ КУБАНИ

Только за первый год Великой Отечественной войны Кубань дала фронту 600 тысяч бойцов, или около 20 процентов всего населения. Здесь были полностью сформированы две кавалерийские дивизии. Одна из них сражалась под Москвой, другая вела оборонительные бои в Крыму. В то же время на самой Кубани с октября 1941 года формировались добровольные казачьи сотни. Кубанские станицы стали центрами формирования этих старинных,

переживших века боевых казачьих подразделений. Колхозы дали казакам коней, седла, сбрую и клинки, одели и обули, поили и кормили за свой счет.

В добровольцы уходили целыми семьями – и пожилые казаки, старые бойцы конармии Буденного, и совсем юные, не достигшие призывного возраста. Весь народ поднимался на защиту родного очага.

В сборнике «От Кубани до Праги» есть очень яркое описание прощания казака, уходившего на фронт, с родными местами, с близкими людьми: «Из станицы Бузиновской Выселковского района со взводом подготовленных им казаков-добровольцев уходил на войну 55-летний Александр Иванович Жуков, бывший конник лейб-гвардии уланского полка, участник двух войн. Жена Анна Ивановна вывела Жукову коня, держа повод в подоле. По старому казачьему обычаю передала она повод мужу своему, приговаривая: «На этом коне уезжаешь, казак, на этом коне и домой возвращайся с победой».

Принял повод Александр Иванович и только потом обнял жену, поцеловал дочь, двух своих внучат. Сел в седло, снял кубанку и привстал на стременах. Взглянул на свою усадьбу, чистую белую хату, на палисадник перед окнами, на вишневый сад. Потом, нахлобучив кубанку на глаза, стегнул нагайкой коня и помчался вдоль улицы…»

Вскоре казачьи сотни реорганизуются в воинские подразделения, отвечающие требованиям современной войны: сабельные и пулеметные эскадроны, артиллерийские и минометные батареи. В начале 1942 года две вновь сформированные Кубанские казачьи кавалерийские дивизии зачислены в кадровый состав армии. В марте совместно с двумя донскими казачьими дивизиями из них образован 17-й кавалерийский корпус (позже донские дивизии станут основой для формирования 5-го Донского гвардейского казачьего кавкорпуса).

В июле 1942 года впервые произошло непосредственное соприкосновение казаков с гитлеровцами, наступавшими в направлении Краснодара. Корпус занял оборону на южном берегу реки Еи. Действия соединения не были просто оборонительными, они сопровождались могучими контрударами. В районе станицы Шкуринской 12-я Кубанская дивизия входе многодневных ожесточенных боев перемолола 4-ю немецкую горнострелковую дивизию и полк СС «Белая лилия». А 2-го августа произошло событие, которое навсегда вписано золотыми буквами в историю кубанского казачества как Атака под станицей Кущевской. Казаки 13-й Кубанской дивизии во главе с полковником Миллеровым предприняли невиданную по силе атаку в конном строю, внезапную, неотвратимую и ошеломившую врага. Казачья лавина до двух километров по фронту, сверкая клинками, яростно обрушилась на немецкую пехотную дивизию «Зеленая роза», рубя и сокрушая все живое на своем пути. В этой беспримерной схватке было изрублено и раздавлено около двух тысяч вражеских солдат и офицеров.

Многодневные кровопролитные бои на берегах реки Еи показали, что в тяжелой обстановке, сложившейся на левом крыле Северокавказского фронта, нашлась сила, способная несокрушимо стоять на месте, как неприступная скала. Этой силой оказался казачий корпус. Но катастрофическое положение на других участках фронта привело к вынужденному отступлению казаков.

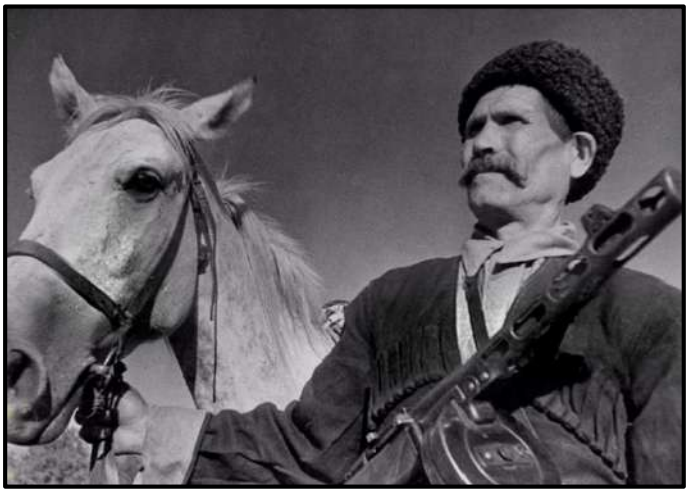
Зло и обида давили душу. Казаки оставляли станицы, молча, с суровыми лицами проходя через них. Глубокие старухи с малыми детьми на руках стояли у плетней. В их глазах застыло неописуемое горе…

Из книги «От Кубани до Праги»: «Молодая женщина с ребенком на руках, стоявшая у калитки, вдруг бросилась в колонну и, высоко подняв ребенка, подбежала к всаднику…

Это был ее муж. Он нежно взял ребенка на руки, прижался к нему лицом, и как бы застыл. Потом отдал его в руки матери, поцеловал ее в лоб и выпрямился. В его окаменевшем лице застыли нечеловеческие муки. Тронув лошадь, он рысью пошел вперед, ни разу не оглянувшись…»

Вспоминает Вадим Иванович БУЛГАКОВ, гвардии капитан в отставке, служивший в те тяжелые дни рядовым казаком-бронебойщиком:

– Отступал с Кубани через свою станицу Старомышастовскую. Гнали скотину, гнали технику. Как раз начало августа. Пыль. Горит урожай. Гимнастерку снимешь, а на груди можно блины печь. Я проезжал мимо отчего дома, но с лошади не слез, потому что отец бы меня убил… Мать вынесла на блюдечке яички вкрутую сваренные, залитые сметаной, и кружку молока. Яички я съел, а кружку отдал товарищу, который рядом ехал на лошади. Отступали мы дальше через Динскую и Усть-Лабинск. Нас послали в разведку возле Усть-Лабы, а там, в Дундуковке, немцы уже десант высадили. Но мы оттуда вырвались. Врассыпную. В Белореченске я подошел к женщине, которая стояла в платье насумленном, ну, як казачки раньше носили. Говорю ей: «Титька, воды дай попить». – «Иды видселя! – каже. – Наши батьки, деда Кубань ворогу не отдавали, а вы отдаете!.. Езжай».



Это были самые суровые дни для казаков-кубанцев. Но дальнейшие боевые действия корпуса в предгорьях и горах Кавказского хребта показали, что боевой дух не был сломлен отступлением. Все попытки немецко-фашистских полчищ прорваться к Черному морю на участке обороны казаков были решительно сломлены.

Приказом Наркома обороны 27 августа 1942 года 17-й казачий корпус получил звание гвардейского и переименован в 4-й Кубанский казачий кавалерийский. Под гвардейским знаменем казаки пройдут до самого последнего дня войны.

Великий перелом, совершенный советскими войсками под Сталинградом, где в числе других соединений сражались и кубанские казаки, коренным образом изменил положение и на Кавказе. Уже 3 января 1943 года корпус включился в стремительное движение советских войск вперед, на северо-запад. С этого дня началась эпопея славных побед Кубанского корпуса. Освобождение Дона, Украины, Белоруссии, Венгрии, Чехословакии. Участвуя во многих наступательных операциях, на всех фронтах казаки первыми шли в прорыв, совершали дерзкие рейды по тылам врага.

Вспоминает Лидия Андреевна МИХАЙЛОВСКАЯ, гвардии рядовая, служившая связистом в штабе корпуса:

– Вывели нас из боев на десятидневный отдых. И сразу всем приказали снять казачью форму. Даже расписку с каждого взяли, что если кто наденет казачью форму – расстрел на месте. Потому что за нашим корпусом охотилась немецкая разведка. Фашистское командование уже прекрасно знало, что где появляется 4-й Кубанский корпус, там жди прорыва и наступления главных сил наших войск. Для скрытности при переброске на другие фронты мы и в поезда грузились только ночью. Если на каком-то участке фронта полнейшее затишье, но там появились кубанские казаки, значит, скоро начнется наступление.

О бесстрашии, массовом героизме казаков по всем фронтам ходили легенды. О подвигах кубанцев знала вся страна. Казаки-артиллеристы Прохоров, Гусько и Абеулов, командиры эскадронов Недорубов и Романюк, командир артиллерийской батареи Песков, ко

мандиры полков Костылев и Гераськин, а также многие другие кубанцы были удостоены звания Героя Советского Союза.

Майор Илья Девтерев в конной атаке лично зарубил 11 фашистов. Казаки Рогов и Дегтярев, оказавшись в безвыходном положении, подорвали себя и окруживших их плотным кольцом фашистов противотанковыми гранатами. Минометчики батареи лейтенанта Горлова в неравном бою с немецкими танками предпочли геройскую смерть, но не отступили с занятых позиций. В трудном ночном бою пал смертью героя командир эскадрона 34-го полка лейтенант Баданов, и тело его осталось лежать по ту сторону немецких окопов; эта весть подняла в атаку весь полк, немцев смяли и опрокинули, а тело любимого командира было найдено и захоронено с воинскими почестями.

Фашисты приходили в ужас от кавалерийских налетов кубанских казаков. В ранце убитого немецкого солдата Альфреда Курца было обнаружено письмо, в котором он писал своим близким: «Все, что я слыхал о казаках времен войны 1914 года, бледнеет перед теми ужасами, которые мы испытываем при встрече с казаками теперь. Одно воспоминание о казачьей атаке повергает меня в ужас и заставляет дрожать. По ночам я галлюцинирую казаками. Казаки – это какой-то вихрь, который сметает на своем пути все препятствия и преграды. Мы боимся казаков, как возмездия Всевышнего».

Вспоминает Василий Иосифович СПИЧАКОВ, гвардии рядовой, служивший пулеметчиком:

– Немцы вообще очень сильно боялись нас, казаков. Они нас называли «банда Плиева» (Плиев командовал нашим корпусом). За всю мою фронтовую службу я восемь раз выходил с корпусом в рейды по фашистским тылам, и мы сеяли среди оккупантов панику и смерть. Стремительный наскок – и рубили вражину на куски, безо всякой жалости! Отдавали должное за содеянные ими злодеяния на нашей родной земле!..

Под командованием генерала Плиева 4-й гвардейский Кубанский корпус, вошедший позже в конно-механизированную группу войск, совершил знаменитый Таганрогский рейд, героически штурмовал Турецкий вал в Крыму; кавалерийским налетом, в котором участвовал весь до единого личного состава корпуса, возглавляемый самим Плиевым, освободил Одессу.

«Этой атаки не забыть никогда, – вспоминал после войны генерал Плиев. – Впереди с ревом, окутанные дымом, мчались танки. За ними, рассыпавшись лавой, летели казаки, шашки сверкали над заломленными кубанками… К вечеру вся Одесса была очищена от врага».

В боях за Белоруссию с особой яркостью проявилась специфика действий рейдовых групп. Кавалерийские соединения вели боевые действия в оперативной глубине противника, совершали глубокие рейды в тыл вражеских войск, подчас действовали в условиях полного окружения. Приходилось наносить или отражать удары со всех сторон. Ежедневно остро стояла задача обеспечения фуражом конского состава, резко осложнялась работа связистов.

Вспоминает Петр Павлович ДЕМЧЕНКО, гвардии подполковник, бывший командир эскадрона связи:

– Мы попали в окружение, эскадроны заняли оборону. Начальник штаба корпуса вызывает начальника связи и дает команду – установить связь с эскадронами. Мы только успели протянуть ко всем провода, как Плиев садится на лошадь и дает команду – прорываться, другого выхода нет. Ну, естественно, очень много было оставлено техники. Потому что мы только в конном строю могли прорвать кольцо окружения. Затем соединились с войсками 2-го Украинского фронта. И сразу же пошли в наступление. А наши провода так и остались у немца в тылу.

В самом тяжелом положении был конский состав. Для него во время рейдов и боев в окружении не имелось ни сена, ни зерна. Сначала лошади съедали прошлогодний бурьян. Затем начиналось скармливание камышовых крыш с разбитых украинских хат и сараев. Отощавшие, лошади порой уже не могли подняться… Доставалось коням и от бомбежек, и от артобстрелов. Тысячами гибли они от вражеских пуль, спасая своих ездовых…

Вспоминает Иван Петрович ВИТКАЛОВ, гвардии подполковник, служивший в то время командиром эскадрона:

– Подо мной была тяжело ранена лошадь. Тогда мы уже вели бой в пешем порядке, а лошадей отвели. Смотрю, а на мне кровь, след крови на снегу тянется за мной. Думаю, что ж такое? Себя осмотрел, вроде не ранен. А когда мы немцев отбили и вернулись в деревню, где был сосредоточен мой эскадрон, мне доложил ординарец, что моя лошадь была тяжело ранена и скончалась. Я осмотрел путалище, на котором висит стремя, – оно было пробито. И вот это меня спасло, в меня не попало, а через путалище – в лошадь…

4-й гвардейский казачий кавалерийский корпус был сформирован на Кубани, и хотя костяк его составляли кубанские казаки, он был многонационален. Калмыки, казахи, украинцы, белорусы, армяне, азербайджанцы, грузины и представители многих других кавказских национальностей входили в его состав. Весь 29-й полк состоял из адыгейцев, которых казаки считали своими кунаками. Многие из них, сражаясь плечом к плечу с кубанскими казаками, покрыли себя неувядаемой славой. Сын адыгейского народа Айдамир Ачмизов за беспримерный подвиг был посмертно награжден Золотой Звездой Героя.

Великая Победа над фашистской Германией застала Кубанский корпус на подступах к Праге. Чешская газета 8 мая передала весть о капитуляции немецких войск, а в ночь на 9 мая, когда казаки развивали наступление на Прагу, по радио было принято сообщение из Москвы о подписании акта капитуляции всей Германии. Однако часть фашистских войск, действовавшая на территории Чехословакии, не подчинилась акту капитуляции. Пришлось их обуздать дополнительными мерами, в чем были задействованы и кубанские казаки. Им было суждено пролить свою кровь и 9, и 10 мая…

Много бытует на Кубани старинных казачьих песен, много рассказов и легенд о казаках и былых походах. Но самый славный из них – путь 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса, от Кубани до Праги, через всю войну, до последнего ее дня и даже больше. Москва 18 раз салютовала кубанской гвардии, подвигам которой нет числа!

***Подготовил* Евгений РОЖАНСКИЙ,**
помощник по СМИ атамана
Черноморского казачьего округа,
заслуженный журналист Кубани

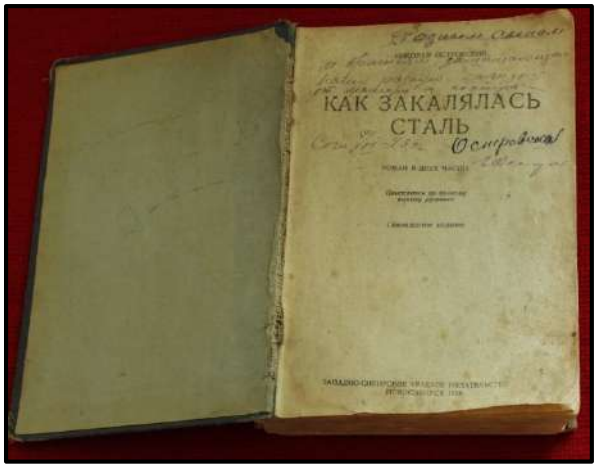
«КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ»
НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

О, книга, друг заветный!
Ты в вещмешке бойца
Прошла свой путь победный
До самого конца.
Твоя большая правда
Вела нас за собой:
Читатель твой и автор
Ходили вместе в бой.

С. Гудзенко

Писатель Николай Алексеевич Островский (1904–1936) – автор книг «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей» умер за несколько лет до начала Великой Отечественной войны. Но против фашизма при его жизни боролась республиканская Испания. Писатель предупреждал об опасности фашизма, предчувствовал неотвратимость столкновения нашей страны с ним. Он понимал, что сам не сможет быть в рядах бойцов, единственным его оружием могут быть только книги. Незадолго до своей кончины писатель сказал: «Когда грянет гром и настанет кровопролитная ночь, я глубоко уверен, что на защиту родной страны встанут миллионы бойцов – таких, как Павка Корчагин».

Роман «Как закалялась сталь» был самой популярной книгой у молодежи 30-40-х годов. На примере жизни Н. Островского и главного героя книги П. Корчагина воспитывались юноши и девушки, которым пришлось сражаться с фашизмом. Любовь к родине, готовность отдать за нее жизнь, не согнуться под тяжестью страшных обстоятельств – эти черты характера Н. Островского оказались созвучными воевавшему поколению. «Как закалялась сталь» была одной из самых читаемых на фронте. В феврале 1944 года на пленуме Союза советских писателей в своем докладе писатель Николай Тихонов отмечал, что «у наших бойцов «Как закалялась сталь» стала своего рода Евангелием: ее читают и перечитывают во всех ротах и батальонах». Книга помогала в борьбе с врагом не меньше, чем оружие. Фронтовик Г. Колесников писал в музей Н. Островского в Москву: «Будучи оснащены боевой техникой, не имеем на вооружении хорошей книги. Книга – это не менее грозное оружие, чем пулемет, винтовка, орудие». Автор письма просил прислать роман на передовую.

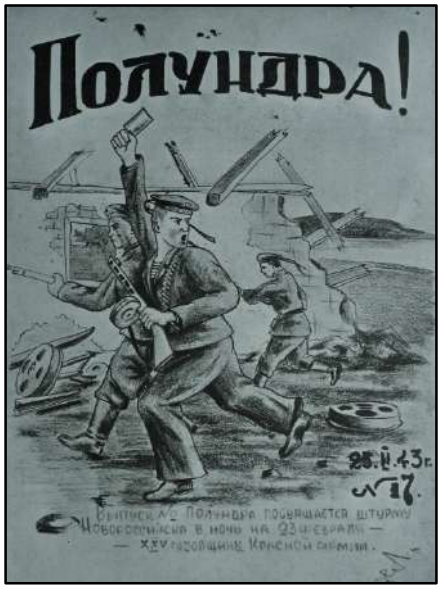


Во время войны лучших бойцов называли корчагинцами. Именем писателя и его литературного героя называли танки, самолеты, корабли. Минный заградитель «Николай Островский» участвовал в боевых операциях на Черном море. В 1941–1942 гг. корабль ставил мины у берегов Севастополя и Керчи, Новороссийска и Туапсе, эвакуировал раненых бойцов, участвовал в десантных операциях.

Однажды на корабль вместе с ранеными были приняты женщины и дети. В открытом море у одной из эвакуированных женщин начались роды. Несмотря на возникший переполох, «незапланированная операция» прошла успешно. Команда эсминца мечтала назвать новорожденного Колей в честь писателя, но родилась девочка. Ее назвали Раей в честь жены писателя, нашей землячки.

275 дней участвовала в боях бесстрашная команда минзаградителя, и почти каждый вечер сопровождался налетом вражеской авиации. 23 марта 1942 г. в порту Туапсе команда

занималась текущим ремонтом. Вражеские бомбардировщики появились внезапно. Тремя прямыми попаданиями авиабомб была разрушена подводная часть судна, и корабль затонул. 19 членов экипажа погибли.



Книга «Как закалялась сталь» была боевым спутником защитников Новороссийска. «Эта книга учила нас, как держать себя в бою», – сказал о ней старшина 1-й статьи Григорий Куропятников. 25 марта 1943 г. был обычный рядовой рейс, катер «СК-065» конвоировал военный транспорт на Малую землю. Во время перехода конвой атаковали вражеские бомбардировщики. Бой был неравный: 30 юнкерсов снова и снова нависали над судами, сбрасывая бомбы. На катере был разбит командирский мостик, вышла из строя рация, уничтожены моторы. Г. Куропятников вел огонь из пулемета, был ранен в голову, ему оторвало левую руку до локтя. Он увидел, что возле глубинных бомб горят дымовые шашки. Если огонь доберется до них, катер взорвется. Превозмогая боль, ползком добрался до шашек, отвязал крепления, действуя зубами и здоровой рукой, сбросил их за борт. Потом пробрался в рубку, где моряки хранили керосин для дезинфекции ран, и увидел пламя, подбиравшееся к книге. Это был роман Н. Островского «Как закалялась сталь», подаренный родными писателя. Григорий сбил пламя и спрятал книгу под бушлатом. После боя, в госпитале, нашли эту книгу со следами крови на страницах. Все члены экипажа были награждены орденами и медалями, катеру присвоено звание гвардейского, Г. Куропятников удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Семь месяцев советские воины на Малой земле сдерживали натиск противника. В свободные минуты они отдыхали, писали письма, читали книги, в том числе «Как закалялась сталь». Библиотекарь 255-й бригады морской пехоты М. Педенко переписывалась с матерью и сестрой Н. Островского. В письме от 16 июня 1943 года Мария рассказывала о тяжелых апрельских боях: «Немцы наступали, шли танки, а за ними пехота, и когда нас осталась горсточка, … ст. лейтенант Воронцов сказал: «Ну, моряки, воевать придется не на жизнь, а на смерть. Так вспомните слова Николая Островского: «Жизнь дается только раз и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». И сам он взял автомат и начал строчить по немцам. Нас было мало. У нас не было танков. Но мы не отступили ни на шаг».

Мария Педенко была направлена на Малую землю библиотекарем, но тогда в библиотеке не было ни одной книги. Она нашла выход из положения – написала доклад о творчестве писателя Н. Островского. В минуты затишья проводила беседы, а когда начинался бой, под огнем выносила раненых, с моряками ходила в атаки. «Бойцы слепили из хлеба чернильницу, растворили химический карандаш, дали мне ручку с пером. Из фотографий писателя, которые мне еще в сочинском музее подарила семья Островского, я приготовила альбом». Мария не только пропагандировала жизненный подвиг писателя, но и сама старалась жить по Островскому. В своем комсомольском билете написала такие слова: «Бей врага по совести, и совесть твоя будет чиста перед Родиной Малоземельцы называли Марию «Рыжая Полундра» за огненный цвет волос и по названию рукописной юмористической газеты «Полундра», в выпуске которой

она принимала участие и доставляла ее в окопы. В своей книге «Фронтовой дневник», изданной в 1945 г., она вспоминала о работе над газетой. Редакция находилась в подвале штаба бригады и занимала половину стола, за которым работали пять человек: два художника, бригадный поэт, фотограф и библиотекарь. Когда наступали сумерки, М. Педенко со свежими номерами газеты отправлялась на передовую. И только перед рассветом возвращалась в редакцию, собрав материалы о прошедшем дне. В редакции все еще спали, и, радуясь «свободной площади», она писала текст информационного бюллетеня. Потом его размножали другие, переписывая от руки, а Мария отсыпалась.

При штурме Новороссийска она была ранена. Лечилась в одном из сочинских госпиталей и, побывав в музее Н. Островского, подарила родным писателя книгу, которая «воевала» с ней на Малой земле.

В 1984 г. в музей истории города Новороссийска (так тогда назывался Новороссийский исторический музей-заповедник) пришло письмо с фотографией от Александра Васильевича Калинина, во время боев за наш город он был командиром роты автоматчиков 8-й стрелковой бригады. В письме рассказывалась история фотографии. После ранения Калинин лечился в госпитале Сочи и в мае 1943 г. посетил музей Н. Островского. Познакомился с матерью, сестрой и личным секретарем писателя. Они подарили ему книгу «Как закалялась сталь». Книгу десантник взял с собой на Малую землю. О своем посещении музея рассказал замполиту батальона, который поручил ему провести беседу о писателе Н. Островском. На фотографии, которую Калинин прислал в музей, запечатлены участники того события. После этого завязалась переписка бойцов батальона с сотрудниками сочинского музея Н. Островского.

В экспозиции новороссийского дома-музея Н. Островского представлена книга «Как закалялась сталь» издания 1936 г. с дарственной надписью, сделанной 8 июня 1943 г. в Сочи матерью и сестрой писателя: «Родным сынам и братьям, защищающим нашу родную Отчизну». К сожалению, неизвестно, кому была подарена эта книга. Ее передала музею жительница Новороссийска М. Ф. Чернявская, работавшая в Геленджике в 1942–1943 гг. при Новороссийской военно-морской базе. Кто-то из бойцов, бывших у нее на постое, перед отправкой в десант оставил свои личные вещи и книгу. Никто за ними потом не вернулся…

Фронтовая судьба привела в Новороссийск московского писателя Марка Колосова. Он был первым редактором романа. Ему Н. Островский подарил только что изданную книгу с автографом: «Марку Колосову, моему соратнику и редактору этой книги – братишке и другу. Сочи. 22.12.1932 г.». Военный Совет Северо-Кавказского фронта командировал писателя на Малую землю в 176-ю стрелковую дивизию для написания истории дивизии. Марк Колосов был и среди воинов, освободивших город от врага 16 сентября 1943 г. На следующий день в газете «Правда» был напечатан его очерк «Мысхако», рассказывающий о героях новороссийской эпопеи.

О том, как было востребовано творчество Н. Островского во время войны, свидетельствуют письма, которые приходили с фронта в музеи автора в Сочи и Москве. Вот что писал в московский музей ст. лейтенант И. Селин в ноябре 1942 года о популярности романа: «…А что делается с книгами «Как закалялась сталь»! Читают ночью в землянках, блиндажах. Конечно, освещения у нас нет, но приспособили лучину, светят ими и читают вслух. Как только перерыв между боями, уже слышишь – начали читку».

В книге отзывов посетителей музея Н. Островского майор Васильков написал 30 июля 1943 года: «Я видел в тяжелые дни фашистской блокады в Ленинграде книгу Н. Островского «Как закалялась сталь» в руках молодежи как средство поднятия духа…» Символично, как только в городе начала работать типография, одной из первых была напечатана именно «Как закалялась сталь». Тираж 10 000 экземпляров разошелся за несколько дней.

Четыре года длилась война, и все это время рядом с бойцами «воевала» эта книга. Так свой особый вклад в победу внес и писатель Н. Островский.

Татьяна РЫБАЛКО,
заведующая литературно-мемориальным отделом
Новороссийского исторического музея-заповедника

Л.И. Брежнев с командующим 18-й десантной армии генерал-лейтенантом К.Н. Леселидзе. Малая земля

Заместитель начальника политуправления Южного фронта Л.И. Брежнев беседует с воинами перед боем. 1942 год

Новороссийск. Сентябрь 1943 года. Г. Н. Холостяков с моряками

1943 год, сентябрь. Новороссийск. Продовольствие для освобожденного города

Фото предоставлены
Василием ХОНИНЫМ

ЧЕХИ НА КУБАНИ

Чехов в Краснодарском крае немного – всего несколько тысяч человек. Но в XIX веке они были первыми переселенцами не с территории Российского подданства. Зачем же они двинулись на Кавказ, и почему Россия встретила их тут с распростертыми объятиями?
В середине XIX века в Австро-Венгрии (а Чехия тогда ее была частью) происходили кардинальные перемены. Промышленная революция привела к механизации многих процессов, повышению конкуренции и падению спроса на ручной труд. Одновременно развивалась медицина, снижался уровень смертности и росло население. В результате земли на всех на хватало, возник так называемый земельный голод.

В таких условиях многие предпочитали эмиграцию. Неизвестный автор начала XX в. о причинах переселения писал так: «Заставила нужда, и нужда именно в том, что народ умножился, земля раздробилась, да еще рассована в разных окраинах, отощала, не рожает... Житья нет, смерть приходит».

Наиболее обеспеченные переселенцы предпочли более развитые экономические государства – США и Канаду. В начале XX века за границей проживало около миллиона чехов. При этом численность чехов на родине составляла в то время около 7 миллионов.

Первыми переселенцами на Кубань были крестьяне, причем беднейшие, безземельные, и двигали ими в первую очередь практические соображения, а не желание поселиться рядом с братьями-славянами. Ехать в Россию было гораздо дешевле, чем в Америку, и даже добраться можно было самим, в обозах, а не на пароходах. Кроме того, крестьяне снабжались в дорогу необходимым количеством хлеба, по прибытии им разрешали бесплатно добывать камень и древесину для постройки жилищ, снабжали землей – бесплатно или по очень низкой цене, на 15 лет освобождали от налогов, а также давали разовое пособие на обзаведение хозяйством.

Кавказ и географически имел сходство с Чехией – невысокие лесистые горы, довольно теплый климат, прибрежная зона – так что переселенцы могли заниматься той работой, к которой уже привыкли и которую умели делать.

Российские власти очень приветствовали таких опытных людей, так как казаки, которых переселили сюда без их желания, по жребию и обязанности охранять границы, оказались плохими колонистами побережья. Будучи выходцами из степных районов, казаки не знали, что и как можно возделывать в горах, а кроме того варварски вырубали ценные тисовые и самшитовые леса на продажу турецким купцам.

Первые чехи прибыли в Новороссийск в 1869 г., в основном морским путем – из Одессы пароходами Русского общества пароходства и торговли. Но некоторые семьи добирались до места сами на подводах, проведя в дороге долгие месяцы. Всего тогда прибыло 360 семей. В окрестностях Новороссийска возникло пять чешских поселений: Кирилловка, Мефодиевка, Глебовка, Борисовка, Владимировка. Остальные чехи направились в другие места – под Анапу и Туапсе.

Доставались им земли далеко не лучшие, а иногда и вовсе плохие. Самые плодородные уже были разобраны казаками, но стояли в основном пустыми, никак не обрабатывались. Прибывшим чехам пришлось первые год-два жить в землянках. Зимой в таком жилище было сыро и холодно, особенно когда задувала бора, летом донимали комары, нередко заползали и змеи, в том числе ядовитые. Те, кто селились в низинах, ближе к реке Цемес, часто заболевали малярией. Бывало, что от лихорадки умирали целыми семьями. Склоны гор в этом отношении были безопаснее, но в то же время менее плодородными, и к тому же там приходилось выкорчевывать непроходимый лес. Занимались этим сообща. Из срубленных деревьев и пней устраивали заграждения от нашествия на посевы диких кабанов и других животных. По очереди охраняли поля и виноградники, по ночам жгли костры.

Хозяевами чехи были очень рачительными. Отощавшую землю они не бросали, а тщательно удобряли или же использовали для выпаса скота. Для вспашки пользовались прогрессивными плугами Старбука – легкими, железными, которые позволяли пахать не на быках, а

на лошадях, и вспахивать при этом куда больше. Считается, что именно чехи первыми на Кавказе стали орошать поля и высаживать лесозащитные полосы.

До самого начала Второй мировой войны жителям чешских сел значительный доход приносил сбор листьев скумпии. Листья этого растения содержат много дубильных веществ, поэтому их сушили, молотили, а получившийся порошок отправляли для дубления кожи.

Чехи отличались завидным трудолюбием. Очень скоро просека в лесу превратилась в улицу, на которой стояли сложенные из камня-дикаря желтые стены домов, крытые камышовыми крышами. Жили чехи дружно. Пахали землю, сеяли пшеницу и соревновались между деревнями, кто больше соберет урожая. Занимались скотоводством. Также дружно они и отдыхали, отмечая традиционные праздники сбора урожая и окончания полевых работ. Уже через двадцать лет существования чешские колонии, несмотря на свою малочисленность, довольно явственно выделялись среди хозяйств Черноморской губернии прекрасно возделанными полями, а урожай у них был значительно богаче, чем у всех остальных. К концу XIX века чехи смогли на собственные средства построить в Кирилловке католический костел, а потом рядом и школу. Это были дружные, замкнутые в себе сообщества, совершенно аполитичные. Ни одного уголовного преступления за 40 лет в них тоже не было зафиксировано.

В зависимости от местных условий разные села имели разную сельхознаправленность. Мефодиевка и Кирилловка специализировались на помидорах, в Глебовке, Текосе и Тешебсе отдавали предпочтение садоводству, а в Анастасиевке занимались пчеловодством. Тем не менее все переселенцы первые два-три года выращивали рожь, ячмень, пшеницу и овес, а потом к этому добавилось табаководство. В 1870-х годах на табак был большой спрос. Однако к 80-м годам выращивание табака уже стало невыгодным, и вместо него чехи в окрестностях Новороссийска переключились на виноградарство.

В освоении и развитии как сельского хозяйства, так и промышленности Новороссийска очень яркий и до сих пор заметный след оставили сразу двое выходцев из Чехии.

Первый из них – это Федор Иванович (или по рождению Бедржих) Гейдук. Его в 1867 году пригласил на должность окружного агронома начальник Черноморского округа Дмитрий Васильевич Пиленко. На тот момент Гейдуку было 35 лет, у него был опыт работы в сельском и лесном хозяйстве в Чехии и Венгрии и несколько изданных книг о ведении хозяйства с учетом местного климата. Прибыв на место, Гейдук основал вблизи Новороссийска показательный питомник, в котором он выращивал замечательные сорта сливы, яблони, груши, винограда, акклиматизируя их к местным условиям. Кроме того, он изучал болезни винограда и разрабатывал методы борьбы с ними. Саженцами деревьев и черенками виноградных лоз Федор Иванович бесплатно снабжал поселенцев, раздавая их буквально тысячами штук. Вскоре выращенные в питомнике Гейдука саженцы разошлись по всему Черноморскому побережью.

В 1884 году он скупил урожай с заброшенных нерадивым управляющим виноградников Абрау и у себя на хуторе переработал его на вино. Это вино – первое вино Черноморского побережья – получило высшую награду (золотую медаль) на проводившейся в Ялте винодельческой выставке. Только после этого новое руководство удельного имения стало возделывать и расширять практически уже заброшенные виноградники, и к Абрау-Дюрсо постепенно пришла его слава.

После смерти Федора Ивановича его дело продолжил сын – Ярослав Федорович Гейдук, которого в 1904 г. назначили младшим окружным агрономом. В знак благодарности за вклад отца и сына Гейдуков в развитие Черноморского побережья был назван поселок в Цемесской долине – Гайдук.

Другой чех, который сыграл огромную роль в развитии Новороссийска, был профессор химии из Праги Осип Мартынович Кучера. Он был другом Гейдука и по его приглашению в 1879 году приехал в Новороссийск. В окрестностях города его заинтересовала горная

порода мергель, и он провел с ней ряд опытов, получив в итоге твердую камневидную массу – первый новороссийский цемент. Буквально через два года после этого события в городе начал действовать первый цементный завод, положивший начало развитию цементной промышленности.

Промышленное развитие района тесно коснулось и во многом изменило жизнь, уклад первого поселения – деревни Мефодиевки. С прокладкой железной дороги и строительством железнодорожных предприятий рядом с Мефодиевкой возник многотысячный рабочий железнодорожный поселок с русским населением. Это и стало главной причиной изменения крестьянского уклада жизни в деревне. Многие чехи предпочли работать на промышленных предприятиях. Они трудились на железной дороге, нефтеперегонном заводе, на элеваторе и в порту. Постепенно свои земли, теперь стоявшие без дела, они начали продавать частями под строительство жилых домов. В 1917 году в Мефодиевке было уже более полутысячи домов. А сейчас это один из основных промышленных районов города, хотя он по-прежнему застроен в основном одноэтажными частными домиками.

Чехи были одними из главных организаторов и пивоваренной промышленности на Кубани. Начало ей положили немцы, но с 1870-х годов их постепенно вытеснили чехи, которые либо сами основывали заводы, либо поступали на службу к другим владельцам пивоварен.

С 1890-х годов началась активная миграция на Кубань уже не крестьян, а интеллигенции – предпринимателей, музыкантов, преподавателей. Большинство из них оставались подданными Австро-Венгрии. Эти чехи «новой волны» к началу Первой мировой войны были настроены очень пророссийски и считали своим долгом участие в войне на стороне России как возможности внести вклад в борьбу за освобождение чешских земель от владычества Габсбургов. Чехи-крестьяне к тому времени в массе своей уже приняли российское подданство и к судьбе исторической родины были довольно равнодушны, однако сохраняли свое национальное самосознание и тоску по чешской культуре.

Последовавшая за тем революция и гражданская война раскидала чехов по разным сторонам точно так же, как и всех жителей России: кто-то погиб на фронтах Первой мировой или в годы постоянной смены власти, кто-то вступил в армию Деникина, кто-то вернулся на историческую родину, а кто-то – довольно инертно – принял Советскую власть.

По сути, на долю оставшихся на Кубани чехов выпали те же тяготы, что и на долю всех жителей Советского Союза. Не обошли их стороной раскулачивание и коллективизация 1930-х годов. В августе 1939 г. у многих вместе с урожаем отобрали и виноградники, после чего те попросту погибли. Во время Великой Отечественной войны чехи наравне с другими гражданами СССР воевали. Несколько семей из Варваровки во время оккупации в 1942-м году расстреляли фашисты.

Постепенно чехи все больше смешивались с местным населением. Сейчас самым чешским из всех давних чешских сел в окрестностях Новороссийска можно считать Кирилловку. Конечно, здесь живут не только чехи. Их даже не большинство. Однако здесь в большей степени сохраняются и элементы чешского диалекта, и архаичные элементы чешской культуры. Старшее поколение еще помнит обряды, которые в самой Чехии знают уже только ученые-фольклористы.

Именно в Кирилловке, в старой, построенной поселенцами в начале 20-го века школе, открылся чешский клуб «Материдоушка». Он работает вот уже больше десяти лет, объединяя разные поколения чехов. Дети получают возможность приобщиться к традициям и обычаям предков, а старшее поколение – передать свои знания и опыт. Тут учат чешский язык, собирают старые песни, смотрят фильмы и отмечают традиционные чешские праздники.

Полина СКУРИХИНА,
зав. сектором молодежи,
Наталия АРНАУТОВА,
заведующая МБУ ЦБС Библиотека-филиал № 8

Использованная литература: Пукиш В.Чехи Северного Кавказа.
Годы и судьбы: 1868-2010. – Ростов-на-Дону, 2010.

ВОЙНА ПРОШЛА ЧЕРЕЗ ЖИЗНЬ

Мне был год, когда началась война, папу призвали на фронт 23 июня 1941 года. А нас с мамой и сестрой Тамарой немцы угнала на Украину в плен. Тома по дороге умерла. После освобождения Украины и Новороссийска мы вернулись домой. Дом наш разрушили, сначала мы жили в сарае, который мама построила из самана, а затем освободилась квартира, и мы вселились в нее.

Жили мы на Станичке, на улице Шевченко, в разрушенном доме, где осталось пять квартир. Одна комната была наша, без коридора. Откроешь входную дверь – и дождь и снег – все у нас. Когда снег идет, то внутри у порога всегда обледеневает. Электричества не было. Из гильзы светильник. Затем появились керосиновые лампы. Стекло хранили как зеницу ока, так как купить было сложно.

…Когда нам разрешили вернуться домой после плена, мама сутками стояла в очереди за билетами, а нас укладывала спать, положив чемодан под головы. Воры стащили чемодан, а там и все документы, и семейные фотографии. Восстанавливали документы по приезде в Новороссийск. Повторное свидетельство о моем рождении датируется 1947 годом, как раз в этот год пришло извещение о без вести пропавшем отце. Он был красноармеец, связист, коммунист. Позже мы узнали, что только мы уехали из Новочеркасска, как папина часть зашла в город, и он бегал по вокзалу и узнавал: кто из Новороссийска. Встретил там женщину, она была из Алексино и рассказала, что мы только вчера уехали, а дочь Тамара умерла. Папа заплакал и сказал: «Останусь жив, мы с Лизой (моей мамой) заживем по-другому!» И передал ей для нас свое фото. На ней он капитан и награжден орденом Ленина.

Пришло время идти в первый класс. Это была начальная школа № 10. Одноэтажное здание, где было всего 3 комнаты. Учились вместе с мальчиками. Обучались в школе с 1-го по 4-й класс. Потом выпуск, с празднованием, вкусным обедом и художественной самодеятельностью. Я на празднике танцевала и пела песню «Ленинские горы».

В пятом классе нас разлучили: девочки в 3-ю школу, мальчики в 5-ю. Нас, новеньких, называли бандитками и относились к нам предвзято, так как мы не могли на переменках ходить важно по коридору по струнке сначала в один конец, потом разворачиваешься и идешь в другой. Нам занижали оценки, и из-за нас упала успеваемость всего класса. А ведь преподавала нам замечательный учитель – Роза Ефимовна Зозуля, в дальнейшем заслуженный учитель. Классным руководителем у нас была учитель русского языка и литературы Евгения Петровна Корнеева. Капитан войны, ходила в гимнастерке, юбке и хромовых сапогах. С виду сама строгость, а душа – лирика. Она знала сердечные секреты каждого ученика. Да и после окончания школы многие взрослые тети и дяди приходили к ней поплакаться в жилетку и за советом.

Пока мы учились, взрослые поднимали город из руин. Огромные воронки зияли, мы в них ребятней отогревались по осени. У нас была такая игра: пройти по берегу возле скал так, чтобы волна не захлестнула тебя. Когда волны – вскарабкиваешься на скалу. Но поскользнулся и – ноги в воде. Побеждает тот, кто остался сухим. А затем собирали курай, сухую траву и разводили костер в огромной воронке, где устраивали сушильню! Снимаешь один сапог, держишь его над костром, чтобы просушить хоть чуть-чуть. Другой на очереди. Но разве просушишь! Идешь домой с мокрыми ногами, а там взбучка, так как и дома до утра не высохнет обувь, обогрева-то не было. Дрова собирали вдоль моря, что оно выкинет на берег. Ходили в лес, в балку и оттуда вязанками таскали домой. Зимой дожди заполняли воронки водой, они замерзали – вот и ледяное поле. Катались на коньках и санках.

А летом море и только море! Так накупаешься, так наныряешься, что забудешь, что в доме не убрано, посуда не помыта – и снова наказание. Мама растила нас одна: Валентину и меня. Валя старше меня на восемь лет, натворит шкоды, наврет с три короба и смоется, а мне попадало. Обида возьмет, поплачу и иду в Алексино, где жили бабушка с дедушкой.

Ленинский парк. Не забуду дня, когда хоронили партизан. Было много народу, и эта огромная яма в моем малом возрасте вызывала жуткий страх...

Водная станция привлекала всех. Подружки из моего класса Женя Кузнецова и Нина Грузинская были замечательными пловчихами. Ездили на соревнования по многим городам.

Незабываемый Дворец пионеров. Жаль, что его вынесли за пределы города. Сколько было кружков! Я ходила почти во все: балет, кукольный театр, кружок вышивания, театральный. У меня еще были и брусья, занятия на кольцах, метание гранаты, диска, прыжки в длину и бег на 100 метров. Была три года капитаном волейбольной команды. Правда, ничего в спорте не достигла из-за своего непостоянства. Единственное, что надолго осталось, это пение. В парке Фрунзе построили танцплощадку, куда мы с двоюродной сестрой Жанной ходили танцевать.

Я счастливо прожила жизнь. Все трудности – холод, голод не вызывали в детском сознании мыслей, что ты обделен, не было зависти к тем сверстникам, которые жили и одевались лучше, и ходили в школьный буфет или ели домашние пирожки. Пенсия от отца маленькая. Мама сначала рыбачка, затем грузчик, которая разгружала мешки весом по 50-70 кг.

После восьми классов я поступила в АСХТ – Анапский сельхозтехникум. Директор техникума обрисовала будущую специальность:

– И в жару, и в холод, и в грязи – все рабочие дни. Да еще бороться за урожай. Осилите?

По окончании меня направили на Челябинскую опытную станцию. Мне нравилась природа, особенно зимой, когда такой простор завален снегом.

По семейным обстоятельствам мне пришлось вернуться домой. Устроилась на работу в совхоз «Малая Земля» сначала рабочей, потом перевели лаборантом на винзавод, затем бригадиром виноградарской бригады в «Долину смерти». Здесь вновь встретилась с войной, вернее с ее последствиями. Мы поднимали плантаж для посадки нового винограда. И вот идем по вспаханному полю, а поверх борозд кости, черепа лежат. Возьмешь в руки череп, а там целехонькие белые зубы. Видно, молоденький погиб. Останки наших бойцов мы подхоранивали в братской могиле. На Колдун-горе комсомольцы Мысхако в 1961 году поставили небольшую стелу бойцам 107-й отдельной бригады.

В 1973 году должен был посетить наш город Л.И. Брежнев и вручить городу «Звезду Героя». Участниками боев за Новороссийск были заполнены все гостиницы и школы. И ко мне разместили четверых гостей. А в своей машине ночевал пятый. Они ходили по тем местам, где у них были боевые точки. Находили патроны, фляжки, каски. Удивительно, сколько лет прошло, а они каждый кусок земли помнили. Шли разговоры, что город получил звание героя только благодаря Л.И. Брежневу, но один из моих гостей разведчик Николай Павлович Безруков сказал, что это неправда. Многие защитники Малой Земли писали во все инстанции, чтобы городу присвоили высокое звание. Он вспоминал, что война закончилась давно, а в ушах порой стоял тот гул, что они слышали, когда фашист сбрасывал бочки, начиненные металлической мелочью, чтобы они с грохотом, свистом и воем падали. Многие молодые ребята сходили от этого с ума.

В тот год Л.И. Брежнев не приехал. Встреча с ним состоялась годом позже. Кортеж прибыл в Мысхако на винзавод. Один из его подвалов во время войны служил штабом, а после войны стал музеем. Когда кортеж отъехал от винзавода и направился в «Долину смерти», его остановила участник боев за «Малую землю» Таисия Киселева, наша селянка. Леонид Ильич подошел к нам, каждому пожал руку, спросил о жизни, о просьбах, пожеланиях. Просьба была о новом клубе.

…И вот у нас уже много лет стоит четырехэтажный дом культуры. Здесь уникальная библиотека, зал на 220 человек, кружки, театр «Кукушкино гнездо».

Когда ходим с внучкой на море, я ей рассказываю, как мы детьми притаскивали ванну – это была наша лодка – садились и по очереди гребли руками. А как ловили нынешние деликатесы: рубашку у ворота завяжем, расставим полы и пошли ловить. На костре сварим – вкуснотища! После войны было много и крабов, и рапанов, и рачков.

И еще у меня есть печальная радость, но и гордость – за моего отца. Через 70 лет узнали, где и как он погиб: в германском городе Кюстрене 14 апреля 1945 года. Так еще один советский боец встал в строй, хоть и погибших, но известных.

Людмила МИЛЕНИНА,
ветеран ВОВ

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ О РАЗНЫХ СУДЬБАХ

Посвящается моим бабушке Александре Павловне Малухе
и маме Зинаиде Александровне Лазаренко

Мои родственники жили в небольшом приморском городке, который расположился на высоком холме, на широкой улице Красной. В те годы жить становилось легче, потому детей рождалось много, особенно мальчиков. Моя бабушка говорила: «Не просто так много хлопцев рождается, как бы не было войны».

По соседству с нами жила семья Хуторских: глава семьи Александр Васильевич, жена Шура – миловидная женщина, и их дети – двое сынов девяти и шести лет, да дочурка Зина трех лет. Жили дружно, отец рыбачил в колхозных бригадах, мать хлопотала по хозяйству, обрабатывала огород. Сыновья, с утра выполнив работу по дому, к обеду убегали гулять и купаться на реку Кубань. Были и праздники, когда собиралась вся семья и многочисленные родственники, и шло веселье. А какие песни пели за столом – смесь русских и украинских! Запевалой всегда была Шура Хуторских. Сколько было жизни, энергии в этой женщине! Про таких принято говорить «кровь с молоком».

Шел 1941 год. Весна буйствовала в садах. Рыба ловилась тоннами. Но теплые мирные дни померкли перед известием о войне. Мужа Шуры призвали в первые же дни войны, осталась она с малыми детьми одна, как и тысячи женщин нашей родины. Два треугольника пришло от него с фронта, и все, как в воду канул.

В августе 1942 года ворвались в тихий городок немецкие мотоциклисты: грабили, убивали мирных жителей. Вслед за фашистами пришли румынские части. Румынские солдаты забирали все, что не забрали немцы, и занимали местные хаты. Женщин с детьми выгоняли из домов, и тем приходилось рыть землянки.

Дом Хуторских приглянулся румынскому капралу Стефану. Шуру с детьми выгнали жить в сарай. Всю осень Шура обстирывала и готовила еду румынским офицерам. Зимой припрятанные от фашистов продукты закончились, наступил голод. Дети исхудали и ослабли, маленькая Зиночка болела.

Как-то в очередной раз Шура убирала в хате после гулянки румынского офицерья. Вдруг в хату вбежал младший сын с криком «Зина умирает!» Шура потеряла сознание. Когда очнулась, капрал нашатырным спиртом растирал ей виски. Стефан сунул ей хлеб, молоко. Потом разрешил Шуре забирать остатки еды после застолий.

Когда дочурка выздоровела, Шура уже не так угрюмо смотрела на капрала. Да и Стефан как-то по-особенному стал поглядывать на Шуру: шутил, заигрывал. Видимо пьянящее, бурное цветение сирени и ландышей свело их обоих с ума.

Однажды Шура сильно порезала руку, капрал перевязал рану и… поцеловал ей руку. Никогда за свою жизнь женщина не думала, что мужчина может целовать руки, быть ласко-

вым. Муж-работяга все время работал, мало с ней разговаривал, в редкие выходные хозяйствовал по дому. Да и не приняты были в те времена в семьях «телячьи нежности».

Она гладила Стефана по смоляным кучерявым волосам, а он целовал ее в губы, плечи, волосы… Родственники и соседи шептались про Шуру, что похорошела, курва. Старший сын отбился от рук, угрюмо смотрел на мать.

В сентябре 1943 года наступление наших войск сломило немецкую «Голубую линию». Фашисты спешно покидали город. Когда входили наши войска, жители выбегали на улицы и ликовали среди развалин домов, воронок и разбитой немецкой техники. Шура с детьми тоже шла по освобожденному городу, как вдруг почувствовала головокружение и тошноту и поняла – беременна.

Родившегося сына назвала Андрейкой. Старшие дети, науськанные родичами и соседями, постоянно обижали его. Одна Зина нянчилась и играла с малышом. А Шуру страшило будущее.

Май 1945 года – долгожданная Победа! Однажды ночью постучали в окошко. Вскочив с кровати, подбежала к окну, отдернув шторку, ахнула: перед ней стоял муж. Зашел в хату снял шинель, на гимнастерке сверкнули орден и две медали. Дети разом проснулись, старший узнал отца, младший потянулся за братом. А дочурка, не помня и не узнавая отца, робко пряталась за мать. От шума заплакал малыш. Александр молча посмотрел на ребенка, а потом за занавеской избил Шуру. Утром сказал: «Или я или он, вместе нам не жить». И ушел. Три дня его не было дома, три дня Шура рыдала.

На четвертую ночь взяла собачий ошейник с цепью, взяла теплое одеяло, замотала сына и отнесла на пустырь за городом. Привязала цепью к вербе. Сутки годовалый Андрюшка, не понимая, куда все делись, плакал и кричал от голода и страха, пока не уснул. На второй день люди, проходившие мимо, услышали всхлипы ребенка и заявили в милицию.

ЭПИЛОГ

Весть о малыше облетела все окрестности. Из ближней станицы приехала бездетная семейная пара и усыновила Андрея. Этот рассказ о моем соседе. У него никогда не было желания увидеть и понять свою мать.

Надежда ЧЕПИГА

В ИЮНЕ СОРОК ПЕРВОГО

Мои родители познакомились в начале июня 1941 года. Они встретились на территории, которая отошла Советскому Союзу в результате войны с белофинами 1939 года. Отец после окончания Оренбургского зенитно-артиллерийского училища был лейтенантом Красной армии и командовал зенитной батареей. На занятые территории приглашали людей на льготных условиях. Мама решила поехать поработать и посмотреть новые края. Она устроилась на работу в бухгалтерию совхоза. Получила комнату в общежитии.

Большинство местных жителей умело говорить по-русски, так как Финляндия до 1917 входила в состав Российской империи.

Мама часто ездила на телеге в районный центр для сдачи документов мимо батареи, которой командовал мой отец. Офицер не раз наблюдал за ней в бинокль. Задачу познакомиться с красивой девушкой он решил по-военному: послал наряд задержать ее якобы для проверки документов, все-таки это происходило близ границы, где был особый режим. Через неделю он предложил маме руку и сердце. Она согласилась. Им было по двадцать два года. Состоялась скромная свадьба вечером 21 июня. Наутро молодые планировали пойти в сельсовет и зарегистрироваться. Но утром уже шла война. Сельсовет не работал. Была объявлена эвакуация. Формально свои отношения они оформили лишь в 1944 году – отец на несколько дней приезжал с фронта.

На стороне фашистской Германии в войне выступила и Финляндия. После первых дней суматохи и неразберихи началась эвакуация гражданских учреждений. Пока на этом участке фронта не было активных боевых действий, отец решил отправить маму в тыл к своим родителям в Ярославскую область. Он позвонил ей на работу и сказал, чтобы была готова к отъезду. Контору, где работала мама, должны были эвакуировать. В ожидании отъезда девушки от нечего делать бегали в лес, который был рядом, собирали малину и варили варенье.

Через некоторое время после звонка отца в окно заглянул красноармеец и начал спрашивать у девушек, как у них дела, как настроение. Его пригласили угоститься вареньем. Он не отказался. Обыкновенный на вид парень в красноармейской форме. Но, по словам мамы, что-то в нем их насторожило. То ли поведение, то ли акцент какой-то. Пока его развлекали беседами, одна

девушка незаметно выскользнула из помещения и побежала в комендатуру. Известно, что в начале войны в наших тылах орудовало много диверсионных групп. Как потом выяснилось, финские диверсантов подключились к телефонному проводу и узнали, что скоро сюда приедет советский офицер, они устроили засаду на моего отца с целью захватить его в плен. В комендатуре имелся комендантский взвод. Они окружили диверсантов. Половину уничтожили, половину взяли в плен. Группа насчитывала более десятка человек. Все были одеты в нашу форму, имели наше оружие. Можно только предполагать, что могло случиться, если бы девушки не проявили бдительность.

Отец отвез маму на станцию, устроил в эшелон. Она рассказывала, что их несколько раз бомбили немецкие самолеты.

Отец участвовал в обороне Ленинграда и пережил самый страшный первый год блокады. Они вывозили ленинградцев по дороге жизни, по льду Ладожского озера. Была уже весна, и лед таял. Водители держали двери открытыми, так как машины проваливались под лед, и люди должны были успеть выпрыгнуть из машин.

Затем его перевели под Сталинград. Там отец воевал зимой 1942-1943 гг. Немцы хотели пробить нашу оборону и разблокировать армию фельдмаршала Паулюса, которая была окружена советской армией.

Батарея, которой командовал мой отец, подбила десять танков противника. Отца наградили орденом Красной Звезды.

В последующие годы отец воевал на Украине, освобождал Польшу, Венгрию. Войну закончил в звании майора в Чехословакии в мае 1945 года.

Он награжден двумя орденами Красной Звезды, двумя орденами Отечественной Войны и медалями «За оборону Ленинграда», «За оборону Сталинграда», «За боевые заслуги», «За победу над Германией».

По окончании войны отец получил очередное назначение, и они вместе с мамой уехали на новое место службы и никогда надолго не расставались.

Жизнь у военных была, как говорится, на колесах. Постоянные переезды из гарнизона в гарнизон. Отец с мамой прожили долгую и счастливую жизнь. В 1946 году родился мой старший брат Владимир, а еще через два года я.

В 1956 году мы приехали на очередное место службы отца в Новороссийск, где, наконец, получили собственную квартиру. Отца не стало 2005 году, а мама ушла из жизни в 2012 году.

У нас была очень дружная и хорошая семья. Жизнь и взаимоотношения моих родителей будут для меня всегда примером.

Вячеслав ВОЛКОВ

ФРОНТОВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Отец мой Чернышев Михаил Николаевич отслужил срочную как раз перед началом Великой Отечественной войны. И его, как бывалого воина, направили в полковую разведку. Многое за годы войны пришлось ему пережить: и поражения, и отступления, и ранения, и контузии. Для него война закончилась досрочно в 1944 году, вернулся домой на костылях.

О своей службе в разведке он, как и большинство прошедших войну, рассказывал мало и неохотно. Но одним событием под Сталинградом он поделился.

В истории Великой Отечественной войны битва на Волге была переломным моментом. Многотысячная германская группировка Паулюса была окружена и пленена. Но далеко не всем известны другие сопутствующие этому события, которые помогли победе под Сталинградом – это «малый котел» – Котельниковский, в который попали дивизии, прорывавшиеся на выручку армии Паулюса. Об этом ярко и достоверно рассказал писатель Юрий Бондарев в романе «Горячий снег».

Мой отец был участником этих событий. Возглавляемой им группе разведчиков командование дало задание проникнуть в тыл немцев, зафиксировать дислокацию войск и техники, а по возможности взять в плен «языка». Задание было выполнено: карта нарисована, немецкий офицер взят в плен, но при возвращении к своим разведчикам их обнаружили: двое бойцов погибли, «языка» немцы отбили, а тяжело раненного отца бросили, посчитав убитым. Истекая кровью, он добрался до своих. В медсанбате отец, придя в сознание, простонал: «Карта… с данными…» «Какая карта? – спрашивают его, – При тебе никаких бумаг не было». А он отвечает: «Я спрятал так, что никто не найдет», – и вынимает плотно скрученную бумажку из заднего прохода. Двое суток, выполняя задание, он не ел и не пил – это его заодно спасло и от смерти при ранении в живот. За проявленное мужество и находчивость ему была вручена медаль «За отвагу».

А второй случай произошел уже во время наступления Красной Армии. Продвижение было столь стремительным, что тыловые службы, полевые кухни за войсками не успевали. Сутками без горячего, на одних сухарях. И вот после очередной атаки натыкаются наши бойцы на немецкий продсклад, а там только мука и сливочное масло, даже консервов нет. И на сей раз выручила солдатская смекалка. Отец говорит – «Разведите костер, найдите пару касок, выжгите у них подкладки – получатся сковородки». И напекли они замечательных пышек с маслом!

Владимир ЧЕРНЫШЕВ,

член Совета старожилов, ветеранов
и хранителей истории клуба «Истоки»

ЛЮБИМАЯ КНИГА ДЕТСТВА

Любимой книгой моего детства была… «Флаги на башне» Макаренко.

Мои родители работали в то время в детском приемнике, года до пятьдесят пятого существовала такая организация. Я, совсем маленькая девочка, была там то с папой, то с мамой. Папа работал эвакуатором, а мама воспитателем.

Со всей послевоенной страны собирали беспризорных детей, искали их близких. Находили, оформляли документы, отвозили детей к родственникам. А до этих детей учили, кормили и воспитывали по году, а иногда и более. В приемнике была прекрасная библиотека, куда поступали новенькие, пахнущие типографской краской книги. Мама брала книжки на несколько дней, по вечерам вокруг семилинейной керосиновой лампы собиралась вся семья, и родители по очереди читали вслух. На этот раз мама принесла Макаренко «Флаги на башне».

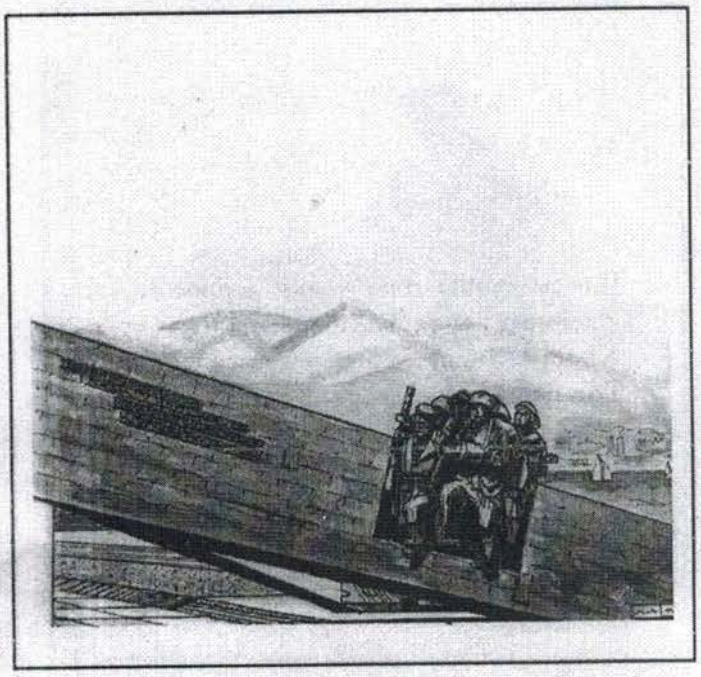
За окном было темным-темно, в то время на нашей улице еще не было света. Тени от лампы затаивались по углам, бабушка что-то шила или вязала, в духовке сушились сухарики, их запах разносился по всему дому. Потихоньку в комнату просачивались соседи, и мы вместе слушали замечательную повесть. Я с нетерпением ждала того мгновения, когда уберут со стола, постелят чистую скатерку, бережно достанут новенькую книгу – и начиналось действо: мамин голос уносил меня в другую жизнь, где тоже были дети, обездоленные войной и разрухой, но не забытые государством. Каждый день мама читала по главе, и я хотела, чтобы на этот раз глава была длиннее, но утром мне нужно было в детский сад, папе и маме на работу. А вот в субботний вечер читали допоздна, и я до позднего вечера слушала прекрасную повесть о детях, для которых воспитатели стали и наставниками, и родителями. Эта книга была близка и понятна нам – на улице встречались грязные мальчишки – на рынке, на вокзале, они помогали что-то поднести, а взрослые давали им кто что мог: то яблоко, то пирожок, то сухарик. Тут же на самодельных колясках безногие или безрукие военные в гимнастерках с медалями, им давали курево или мелкие деньги.

Когда я пошла в первый класс, мама записала меня в детскую библиотеку. Впервые в жизни, на каникулах, я начала читать Беляева. Мама говорила, что мне рано читать фантастику. Но тетя Саша была с ней не согласна, и я запоем прочитала «Ариэль» и вообразила, что тоже смогу летать; забравшись на нашу ветвистую шелковицу, я собиралась взлететь в высокое летнее небо, но хорошо, что бабушке удалось поймать меня у самой земли, и я не разбилась. Потряс меня и «Человек-амфибия». Когда семья переехала жить в Новороссийск, за считанные дни я научилась плавать и нырять с открытыми глазами. Прекрасный подводный мир, описанный у великого фантаста, окружил меня по-настоящему, так я полюбила еще и море.

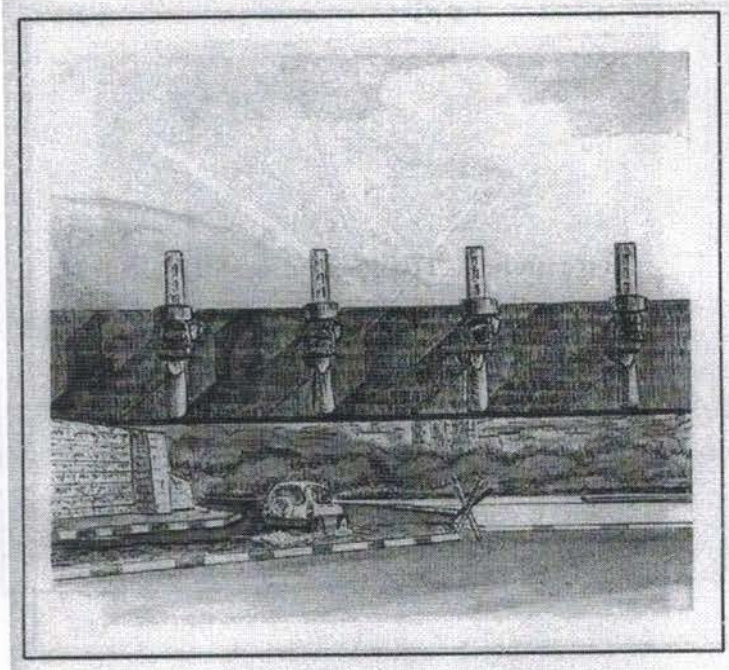
А все начиналось с «Флагов над башнями»!

Светлана БАРАННИК

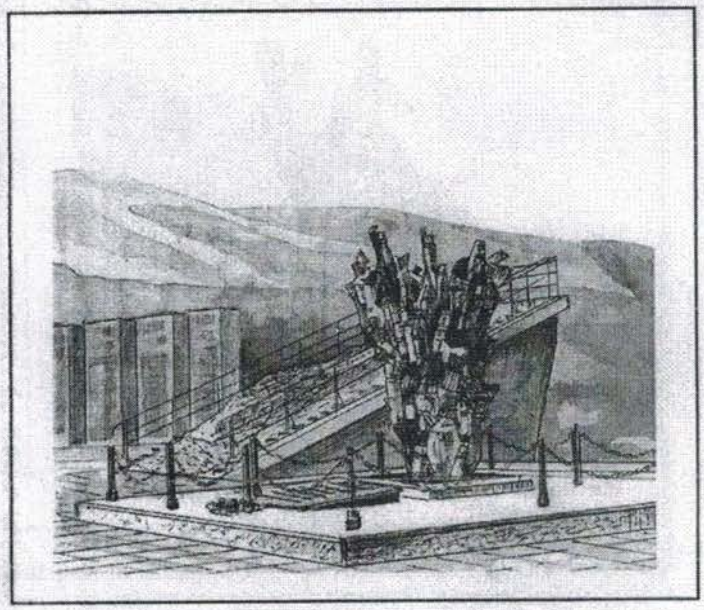
Анатолий Караваев



Мемориал "Малая земля".

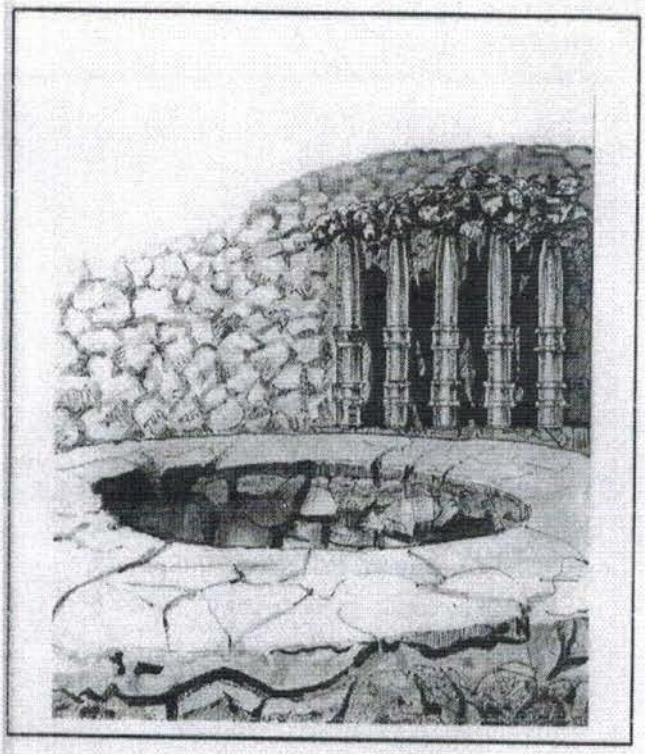


"Ансамбль "Линия обороны".

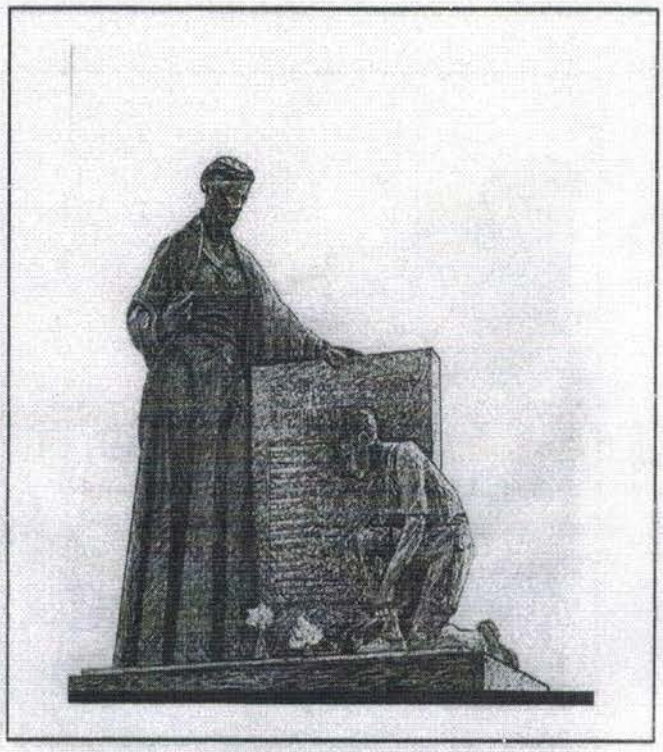


Мемориальный комплекс "Долина смерти".
Памятник "ВЗРЫВ", архитектор Г.Наджарян.

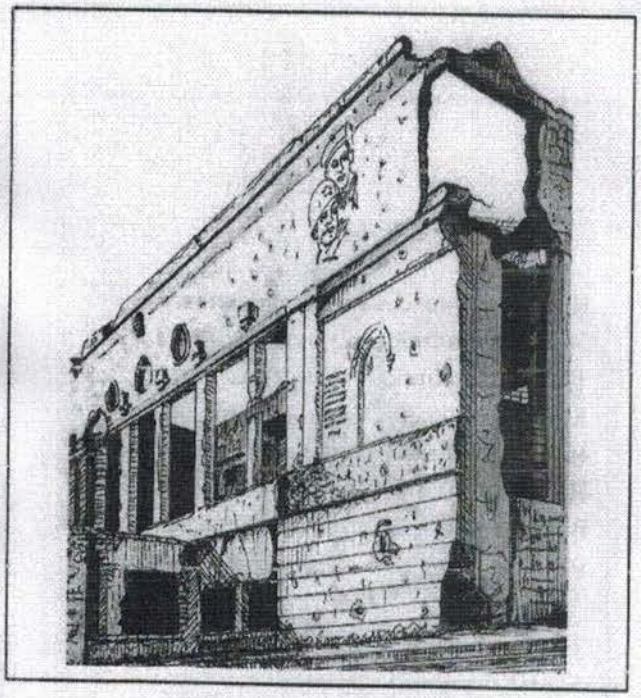
"Памятник "Воинам - защитникам
города Новороссийска".



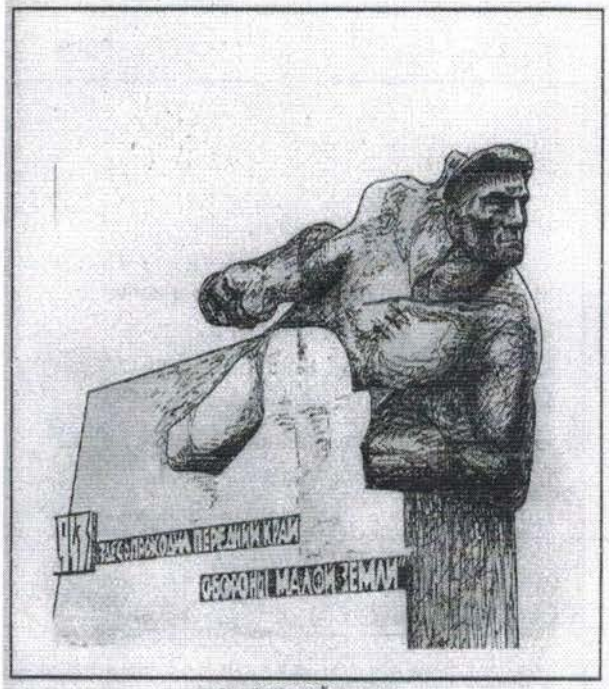
Колодец - один из источников
питьевой воды на Малой земле.



Памятник героям- подпольщикам из группы
С.Г.Островерхова, расстрелянным
фашистами в 1943 г.



Руины дворца цементников.
Разрушен в годы войны.
Сохранён как памятник.



ПАМЯТНЫЙ ЗНАК
есь проходил передний край обороны Малой земли, 1943 г
Скульптор Божененко, малоземелец,
почётный гражданин Новороссийска.

ДВА ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЖИММИ В НОВОРОССИЙСКЕ

Рассказ

Стоял холодный апрель 1945 года. Судно, на котором Джимми прибыл в Новороссийск, подорвалось на мине и теперь стояло на ремонте. Экипаж остался жив, и гуманитарный груз выгрузили на берег в приличном состоянии. Джимми вместе с другими матросами разместили в центре города в уцелевших от бомбежки комнатушках, кое-как защищающих постояльцев от ветра.

Джимми как-то сразу приглянулся местной детворе. Он шутил на непонятном языке и частенько играл с ними в лапту.

Как-то раз день выдался особенно холодный, с перевала дул норд-ост. Мальчишки кучковались около развалин гостиницы, в которой пригодными остались только туалеты. Джимми, одетый в теплый шерстяной костюм, пробежал мимо мальчишек и, озорно подмигнув, скрылся в развалинах. Мальчишки, заигравшись, скоро забыли о нем. И только когда вновь увидели ступающего, как цапля, белыми длинными ногами Джимми, расхохотались. Джимми поднял на них глаза и перестал смотреть под ноги, рискуя наступить на осколки стекла или куски арматуры, заулыбался и, похлопывая себя по голой груди, весело сказал:

– Рус, вон! Цап-царап!

И, гордо глядя на свои трусы, приподнял большой палец, вытянул губы, сказал: «О!» и радостный, что на нем еще что-то уцелело, весело зашагал в свое укрытие.

О победе американские матросы узнали по своему приемнику на судне и радостные побежали делиться новостью со своими русскими друзьями. Джимми первым делом пошел к Ивану Ткачу, лейтенанту медслужбы. С Ткачем у них, хотя он и сам не помнил, как завязалась крепкая дружба, и американец считал Ивана братом.

Радость победы переполняла матроса. Джимми захотелось именно сегодня, в этот ясный день, поносить форму советского офицера. Иван быстро согласился «махнуться», и скоро белая шапочка с бубончиком сидела на его голове не хуже, чем на голове Джимми. Переодевшись, они долго разговаривали и смеялись. Расстались уже за полночь.
Джимми пошел на судно, а Иван уснул у ребят.

Патрульная служба забрала Джимми, идущего нетвердой походкой, на набережной. Джимми пытался с ними обниматься, кричал «Виктори!», но его не понимали и применили силу, а так как Джимми не мог ответить ни на один вопрос, его посадили в подвал под арест.

Посиди, померзни, а то вишь, аж русский язык забыл, так напился.

Мальчишкам не спалось в эту ночь. Они бегали, как заводные, по городу. Видели они и арестованного Джимми. Допустить, чтобы Джимми мерз в подвале, они не могли и побежали искать военного коменданта, который хорошо знал американца, а тех патрульных, что забрали Джимми, ребятишки не видели в городе раньше – знать новые, из-за перевала.

Комендант выслушал неразборчивые и сбивчивые рассказы ребят и понял одно, что этот Джимми – добродушный американский матрос, переодетый в русскую форму, и теперь сидит как шпион в подвале.

Освобожденный Джимми шел по улице, весело насвистывая какую-то песенку. Мальчишки окружили его шумной стайкой.

– Ничего! Ничего! – повторял американец на ломанном русском. – Очень хорошо! Виктори! Виктори!

Валентина ЧЕРНЫШЕВА

ИЗ РОДА В РОД

1965 год. Прошло 20 лет, как кончилась война. В далеком сибирском селе умирала бабушка Мария, которая так и не дождалась своего сына, ушедшего добровольцем на фронт. Последние ее слова были о том, что сын вернется…

Мария, ровесница века, выросла в зажиточной семье. Их не раскулачили только потому, что весь скот, табуны лошадей и золото они передали колхозу.

Мать умерла при ее родах, отец женился. Мачеха уронила младенца на пол, после чего у девочки стал расти горбик. На лицо же Машенька была миловидной, ее большие глаза лучились добротой. Вышла замуж в 18 лет за первого парня на деревне, хоть и сироту, Максима. Он вошел в их семью, как говорят в Сибири, примаком. Одного за другим родила семерых детей, двое из которых умерли в раннем возрасте, а старшая дочь, красавица Анфиса, в 16 лет. Росли два сына – старший Илья и самый младший в семье Володя. И дочери, старшая Полина и младшая Варвара.

Жила семья в большом деревянном доме, во дворе колодец и баня. Держали огород, домашнюю скотину, коров, кур, лошадь. Работы хватало всем, дети не росли белоручками. Семья была дружная и работящая, дети хорошо учились, отец работал в колхозе, мать домохозяйка. Дом дышал запахом свежеиспеченного хлеба, шанег и пирогов. Позже, когда дети разъехались и приезжали в гости уже с многочисленными внуками, дома вновь становилось шумно и весело.

Шла размеренная предвоенная жизнь. Отец семейства, правда, изредка выпивал и был заядлым картежником. Мог поехать продавать на базар корову, а приехать ни с чем. Или, наоборот, уезжал с одной коровой, а приводил двух. Одну продавал, а две выигрывал в карты. И до глубокой старости (пережив свою любимую жену на 10 лет), уже почти слепой, мог манипулировать картами, как фокусник. Когда началась война, его в армию не взяли по возрасту, ведь срочную он отслужил еще до революции. Сохранилась фотография на паспарту, где он рядом с сослуживцем стоит со штыковой винтовкой в руках.

Забрали старшего Илью и отправили эшелоном прямиком в Москву. Писем от него не было. А потом почтальон принес извещение о том, что их сын, Баринсаков Илья Максимович, пропал без вести под Москвой осенью 1941 года. Подписано капитаном Н. Соловьевым. Документ долго хранился в семье, но, к сожалению, затерялся.

Со временем дочери вышли замуж, Полина на мужней стороне родила трех сыновей и дочь. У зятя Александра во время войны была бронь. Он сутками пропадал на работе. Варвара, как и мать, родившая семерых, жила рядом с родителями.

Закончилась война. А мать все ждала старшего сына домой – верила, раз не погиб и не похоронен, значит, рано или поздно вернется. Часто сокрушалась, что он не успел жениться и не оставил потомства. Марии дали пенсию за сына. Из этих денег она умудрялась делать подарки внукам.

Младший сын Володя, родившийся перед самой войной, отслужил в танковой части в литовской Клайпеде, его танк попал в реку, и он застудил ноги. Всю жизнь мучился артритом. После армии Володя окончил вечернюю школу, а днем работал трактористом. Когда женился и получил квартиру, перевез родителей к себе. У него две дочери и долгожданный сын Володя. Одна из дочерей, Людмила, стала доктором, уважаемым на селе. Другая, Татьяна, вышла замуж и уехала из дома.

У сына Полины Геннадия в 1963 году родился сын Олег, которого бабушка Мария успела подержать на руках. В народе говорят, что если при жизни появляется правнук, то прабабушке и прадедушке уготовано место в раю…

Два года назад у Романа, сына Олега, который приходится правнуком нашей героине Марии, родился сын Максимка, он является ей прапраправнуком. Жизнь продолжается…

…В далеком сибирском селе умирала бабушка Мария, которая не дождалась своего сына, ушедшего добровольцем на фронт. Последние ее слова были о том, что сын вернется!

Галина ДМИТРИЕВА

СОКОЛЫ

Крымского казачье общество хуторов Адагум, Кесперово, Киевское, Гостагай атаман Андрей Данилович держал исправно. Казаки его за строгость побаивались, а казачки с любовью засматривались. Уж дюже красивый мужик был. Большие серые глаза под черными бровями, статный.

Перед самой войной его назначили начальником милиции, где он при задержании вора получил ножевое ранение. Храбрый был, слово держал. И погиб такой красивый человек с последними словами: «Хлопцы, вперед в атаку, бей врагов ползучих!» Фамилия Сокол увековечена на стеле братской могилы в Абинском районе.

Когда Евдокия узнала, что ее любимый супруг Андрей погиб, она раздала нажитое добро, заколотила хату, взяла за руку двенадцатилетнего сына и пошла в военкомат проситься добровольцем. До войны она служила бойцом в пожарной охране, казачкой была умелой во многом и храброй. Ее взяли в Красную Армию, а Ваню оформили на службу как сына полка. Разлетелись «соколики» из своего гнезда в разные стороны. Ведь и дочь Нину как военнообязанную мобилизовали по ускоренной учебе на фельдшера в шестнадцать лет.

Казачка Евдокия Сокол дошла до Берлина. Имела две медали «За отвагу».

Про одну медаль я успела спросить у бабушки, за какие заслуги она получила ее. Заподозрила Дуся одного сослуживца, показалось, что вел себя странно. Выследила. Тот как раз передавал по рации сведения немцам. Враг выстрелил в женщину, но самого предателя взяли. Она оправилась от ранения и в своей воинской части прослужила после войны еще восемь лет.

После войны Евдокия Павловна вернулась в Новороссийск. Своими руками построила в одиночку турлучный домик (он и сейчас стоит на четвертом бугре по ул. Чкалова, но уже как подсобное помещение).

Второй раз замуж не вышла, но воспитала чужого ребенка Сережу.

Зарабатывала тем, что шила на заказ. Трофейная швейная машина «Зингер» и ее умелые руки очень помогали выжить. На двух сотках земли тетя Дуся исхитрилась вырастить фруктовый сад и много цветов. Помню огромные душистые абрикосы, особо ароматные нежные персики, две черешни, чернослив и терновку. Из винограда «Изабелла» готовила вино, храня в кувшинах, закопанных в землю, а в День Победы угощала знакомых.

На парад тетя Дуся (ее и в восемьдесят лет никто не называл бабой Дусей) ходила с удовольствием. Я, ее внучка, школьница тогда, помню, как она укладывала свои черные блестящие волосы, помадила губы, надевала гипюровую светло-голубую блузку с несколькими медалями. Охапку своих цветов из палисадника она дарила встречным, они отвечали ей тем же.

Наталия КУДЖОЯН,
член объединения «Наше слово»

ШЛЯПА

Я родился в 1933 году в станице Славянская-на-Кубани Краснодарского края. Родители мои работали в средней школе, мама учителем математики, отец директором школы. С нами жила бабушка.

Когда началась Великая Отечественная война, отец ушел на фронт. В 1942 году война пришла на Кубань.

К нам вошли румынские военные части. В первые дни оккупанты ходили по домам, проверяли, не укрывают ли местные жители солдат нашей армии или партизан. Зашли они и в наш дом. Один пошел в комнаты, а второй остался в коридоре и стал внимательно осматривать вещи. В дальнем конце коридора он заметил противогаз, который я нашел на улице и принес домой. Тогда на улицах можно было найти много чего, имеющего отношение к военным действиям – патроны, снаряды, остатки обмундирования. И мы, мальчишки, тащили все это в дома. Иногда пацаны пытались откручивать головки от снарядов, чтобы достать оттуда порох. Так, на соседней улице подорвались трое братьев, и мать потеряла сразу троих сыновей.

Увидев противогаз, румынский солдат решил, что мы прячем в доме бойца, наставил на маму винтовку и стал громко кричать на своем языке. Мама и бабушка стояли бледные, я замер у дверей. На крик из комнаты выскочил второй солдат. Ничего подозрительного он там не нашел, но в руках держал отцовскую шляпу. Как и подобает директору школы, отец одевался соответственно, в комнате висели его пальто, костюм и другие вещи. Но шляпа привлекла внимание больше всего. Румын многозначительно поднял вверх указательный палец и громко произнес: «О! Профессор!» Они немного посовещались и ушли. Мы все облегченно вздохнули – так отцовская шляпа спасла нам жизнь. С тех пор мы эту шляпу держали на видном месте в коридоре. Правда, румынские солдаты больше не приходили.

Сергей ШЕЛЕПЕНЬ,
член литературного объединения

Вера Ивановна ОНИПЧЕНКО

Веру Ивановну Онипченко я увидела, когда пришла в хор пенсионеров «Не стареем душой». Она сразу меня обаяла своей доброжелательной красивой улыбкой, нежным приятным голосом, голубыми глазами. К тому же оказалось, что она с 60 лет стихи пишет. Да какие замечательные! Всю свою судьбу в стихах описала:

Живу у моря, словно чайка. Морским нектаром я дышу.
И часто лунными ночами стихи о Родине пишу.
Пишу о том, что слышу в песне, пишу о том, чем я дышу:
О звездном, лунном поднебесье, о снежном ландыше в лесу...
Люблю весенний луг зеленый, люблю осенний лес грибной,
Скалистый берег мой соленый, Новороссийск, мой край родной!

Здорово, правда?! Вера Ивановна очевидец военных дней. От таких, как она, мы слышим правду о войне. Она родилась в селе Неберджай Крымского района Краснодарского края. Ей было четыре года, когда она впервые увидела фашистов, и навсегда её память запечатлела дни Великой Отечественной!

Она видела, как нагло и весело на мотоциклах ворвались фашисты в Неберджай. Жители от страха убегали в лес и там, спасаясь от пуль, вжимались, практически врывались в землю... Верочка тоже упала в траву, а над ней, срезая веточки деревьев, свистели пули. Фашисты заняли все дома. Убивали всех, кто возвращался со стороны леса. Так что люди пережидали время в окопах на окраине.

Верочка видела с родителями, как бежавшему мальчику срезало голову снарядом, и он ещё бежал несколько шагов без головы. Навсегда отпечаталось. Помнит, что были частые, очень частые воздушные бои над Неберджаем. Помнит, как наши летчики вступали в бой с фашистами. Все жители переживали и молились за их жизни. Видела, как однажды наш «орленок» выпрыгнул из горящего самолета и спускался на парашюте. Немцы ждали, хотели взять его живым. Помчались за ним на мотоциклах. Но попутный ветер отнес его с парашютом в лесок к партизанам. Он жив остался. Это через некоторое время спустя узнали и очень радовались в окопах.

Видели наш самолет у речки с торчащими из него обгорелыми ногами летчика. Фашисты хоронить не давали, но наши забрали и похоронили.

Верочка тоже однажды навредила фашистской нечисти. Произошло это случайно. Когда фашисты готовили свои танки к боевым действиям, то в Верочкино детское ведерочко налили какую-то жидкость для заправки танков. Верочка, ничего не подозревая, нашла свое ведерочко на обочине дороги и вылила жидкость, как грязную старую воду. Затем, как обычно, из колодца достала чистую водичку для мамы. Мама с тетей хотели напиться и почувствовали какой-то запах. Только начали думать, что за вода, прибежал немец Иоган, который хорошо относился к Верочке, потому что она была похожа на его белокурую дочь. Немец догадался, что детское ведёрочко могла забрать только Верочка. Он велел спрятать ребенка, поскольку уже начались поиски: «Киндер!.. Маленький партизан!.. Пух-пух!» Пока искали немцы нужную жидкость – без неё не могли двинуться с места, – время ушло, и приказ не был выполнен.

Вот как вспоминает то время Вера Ивановна: «Спустя время неожиданно объявили срочную эвакуацию. Кто в чем был, тот так и пошел – стар и маленькие детки в колясках.

Немцы драпали и гражданскими прикрывались. Гнали людей собаками, конвоем. Точно как в кино показывают. Колонну обстреливали и по дороге, и на переправе. Немцы внизу под палубой прятались, а детей и стариков мирных наверху оставили. Много погибло. Люди молились за своих ребят. «Отче наш» читали. Долго гнали. Наконец семья вместе с другими попала на Украину, в село Скалянку Новобуговского района Николаевской области, там было несладко. Люди вокруг были в основном хорошие. Помогали, чем могли. Но был зверь из местных – «шабашем» звали. Его даже местные ненавидели... Мог ребенка хлестануть плеткой просто так, проезжая мимо на лошади… Его повесили потом, конечно. Даже его собственный сын сказал: «Собаке собачья смерть!»

В 1944 году советские войска ворвались в село. Нас всех освободили. Сначала была долгая дорога домой. Потом тяжелая послевоенная жизнь... Мама девять раз пухла с голоду. А ну-ка, четверо детей на руках… Жили по принципу, кто где пустит хоть на денечки.

…Семь классов окончила с отличием, но дальше у родителей не было средств учить Верочку. Пошла работать, вышла замуж. Была с мужем на строительстве Вилюйской, затем Колымской ГЭС. Однако счастье было недолгим. Муж работал взрывником… В 40 лет она осталась вдовой. Вернулась домой в Новороссийск в 1980 году.

К сегодняшнему дню Вера Ивановна издала стихотворные сборники «Я люблю, земляне, вас» и «Стихи-загадки для детей». Она член «Клуба ветеранов-старожилов, хранителей истории города» (председатель Анна Петровна Белова), член литературного объединения «Горит свеча» (руководитель Людмила Петровна Головко). Живет она в районе сквера Черняховского, где у памятного знака «Передний край обороны Малой земли» («Матрос с гранатой») ежегодно 3 февраля начинается шествие «Бескозырки». И родилось стихотворение «Поклон земной героям, низкий!»

Горят огни Новороссийска, и память вечная жива –
Герой застыл в камне-граните – Матрос с гранатой на века.
Плывет по морю бескозырка, вода уносит боль-печаль.
Поклон земной героям, низкий – всем, кто Отчизну защищал!

А стихотворение «Вечная память героям» стало лауреатом V Краевого конкурса «Поэт и гражданин»:

Десант матросов в сорок третьем не дал фашистам ночью спать.
Пылал в огне любимый берег и кровь кругом рекой лилась.
И было жарко в битве этой! В глазах огонь и гнев сверкал.
В неравной схватке той смертельной матрос героем каждый стал.
Одна на всех была надежда, одна на всех была мечта –
Февральской ночью в сорок третьем разбить проклятого врага.
Срастались с берегом матросы под шквалом вражьего огня.
А суши маленький кусочек назвали "Малая земля".
Земля, пропитанная кровью, и нет прощения врагам.
Есть Память Вечная Героям, кто эту землю защищал!

У Веры Ивановны много замечательных стихов. Они напечатаны в сборнике «Судьбы, опаленные войной» и в литературно-художественном альманахе «Горит свеча». Любое её стихотворение – это поэзия, которая прочувствована и идет из души, невозможно без слез читать и «Сгоревшее детство». Ясно, что это из судьбы личной.

Вера Ивановна – кубанская казачка малолетний узник, патриотка России. Поздравляем её с Великой Победой 1945 года. Желаем ей крепкого здоровья, чтобы себя и нас радовала творческими озарениями.

Людмила УТЯНСКАЯ

ФАШИЗМ ОНА УЗНАЛА С МАЛЫХ ЛЕТ

В год 75-летия Великой Победы хочу рассказать о замечательном человеке Галине Григорьевне Самуле. Она родилась в 1937 году и прожила всю жизнь в Новороссийске. Только Великая Отечественная война разлучала её с любимым городом. Она имеет статус «Бывший несовершеннолетний узник фашизма».

Когда фашистская нечисть приблизилась к её родной улице Свердлова (ныне пр. Ленина), Галинке было четыре годика. Она хорошо помнит, как фашисты, пробиваясь к морю, зверствовали. Наши мальчишки-морячки оттесняли их от морских берегов стойко, отчаянно и смело. Бои были жестокие. Ей было очень страшно. Все жители прятались во время боев в окопах. От зажигательной бомбы сгорел родной дом. Семья в чем была в окопе, в том и осталась.

Однажды фашисты выгнали всех людей к центральному рынку. А в мае всех погрузили на баржу около морпорта и отправили... Куда – никто не ведал. На верхнюю палубу баржи загрузили детей, стариков, женщин, т.е. создали «живой щит». Сами фашистские молодчики попрятались под палубой. Людям велели махать руками, платками, как сигнал летчикам, чтобы бомбы в баржу не бросали. Однако одну баржу из того эшелона все-таки потопили. Их Керчи всех погнали пешком до Джанкоя. Там на вокзале до отказа набили людьми «теплушки» и повезли опять в неизвестном направлении. В итоге они попали на Украину, в Херсонскую область. Поместили всех в здании школы и охраняли с собаками. Как и по пути до Джанкоя с собаками гнали.

К тому времени Красная Армия уже начала освобождать Украину. Многих заставляли рыть для немцев окопы. Мама Галины работала на маслобойне в горячем цеху, это тяжелая работа. Фашисты очень боялись тифа, туберкулёза. Если замечали чахлого человека, тут же расстреливали. В такой жуткой обстановке прожили до лета 1944 года.

А в июне вернулись в разрушенный до основания любимый Новороссийск. Дождались победы. Героев ждали домой. Но не все вернулись. У Галиной бабули была одна дочь и четыре сына. Троих сыночков забрала война. До сих пор они разыскивают отца и его брата, которые без вести пропали. Никто не знает, где они даже захоронены. И в памятные дни семья не может к ним прийти и поклониться.

«Сейчас мы живем и радуемся! Просто рай сейчас. – говорит Галина Григорьевна. – А после войны полная разруха была. Где у нас ЦДК (бывший кинотеатр «Украина»), до войны мельница была, так её разбили. Кутузовский круг был пустой. Транспорта не было вообще. Людей считанное количество. Но потихоньку стали восстанавливаться. Одним из первых заработавших производств был бондарный цех в районе центрального рынка».

Семья Галины после войны жила в районе мефодиевского рынка на горе «Черепаха», недалеко от Сахарной головки.

По окончании школы пошла работать на вагоноремонтный завод маляром. За многолетний труд награждена орденами «Знак почёта», «Трудового Красного Знамени», «Октябрьской революции», медалью к 100-летию Ленина. Галину уважали и ценили на работе, выбирали депутатом Гордумы, членом исполкома, народным контролером

Галина Григорьевна считает, что не важно, кто человек по должности, по званию. Главное, чтобы был честным человеком, уважал родных, умел дружить. Дружба очень важна, чтобы дело спорилось и все получалось по-доброму и хорошо. Надо радоваться весне и всему земному.

Галина Григорьевна воспитала двоих сыновей, имеет внуков.

В свободное время любит петь в хоре пенсионеров «Не стареем душой».

Людмила УТЯНСКАЯ

ПАТРИОТКИ ВСЕГДА В СТРОЮ

75 лет минуло с той поры, когда весь мир ликовал в связи с победой над фашизмом.

2020 год у нас, в России, объявлен Годом Памяти и Славы. Смело можно сказать, что все россияне поддержали это решение и делали все возможное в условиях пандемии для того, чтобы воплотить его в жизнь. Не стояла в стороне Кубань и Новороссийск в том числе.

В этом году женский клуб участниц Великой Отечественной войны, ветеранов трудового фронта и труда отметил свое 38-летие. В далеком 1982 году две славные новороссийки Людмила Арсентьевна Косторнова, заведующая отделом культуры Октябрьского райисполкома, и Евгения Макаровна Засыпкина, директор городского музея, предложили участницам войны и труженицам тыла объединиться для патриотического воспитания подрастающего поколения. С этой целью было решено создать женский клуб и назвать его «Патриотка».

Первое заседание клуба. 6 марта 1982 г. (стоит Л.А. Косторнова)

Первые участницы клуба «Патриотка». 1982 г. Слева направо сидят: А.И. Шмитберская, А.В. Сергеева. З.М. Попкова, Е.*М. Засыпкина, Л.А. Косторнова, Т.Т. Токаренко. К.И. Никуева, Г.И. Шлыкова;*

Второй ряд: М.Я. Питиримова, Валя – работница ДК, В.И. Маевская, О.А. Корешкова, Е.А. Полянская, С.Ф. Чиркова, Е.В. Бреславская, Ф.В. Тенищева;

Третий ряд: К.И. Сулим, Е.Л. Глотова, Т.В. Гарбузова, О.А. Семенистая, Н.И. Перепелица, Н.М. Берлад

Характеризуя вступивших в клуб женщин, Л.А. Косторнова писала: «Какие удивительно интересные женщины входят в этот прекрасный клуб с гордым названием «Патриотка». Партийный стаж З.М. Попковой составляет 65 лет, свыше 50 лет партийный стаж у А.В. Сергеевой, Е.В. Стопиной, Е.Н. Шляховой, но и сейчас они – активные участники политико-массовой работы.

Все члены клуба имеют правительственные награды, а В.И. Маевская, А.В. Сергеева, П.С. Шара отмечены высокой наградой Родины – орденом Ленина. Е.Н. Остапенко, Е.Л. Глотова, А.Г. Карачевцова, Н.М. Берлад, О.А. Семенистая, Е.А. Полянская, Е.В. Бреславская, Ф.В. Тенищева, К.И. Сулим В.Г. Добычина с оружием в руках защищали нашу Родину.

Трудные послевоенные годы. Восстанавливали разрушенный врагом город. Первым секретарем ГК ВЛКСМ после освобождения была Т.Т. Токаренко, она и последующие годы посвятила работе с молодым поколением. А.Г. Комисаренко была начальником штаба по разминированию города и прилегающих районов. В.И. Маевская возглавила СУ-27 «Новороссийскморстрой», которое занималось восстановлением портовых сооружений и промышленных предприятий города. С 1944 г. Е.М. Засыпкина работала главным агрономом сельскохозяйственного отдела горисполкома, занималась вопросами обеспечения жителей города продуктами питания, а позже была назначена директором музея истории города, где и проработала 20 лет. Являлась председателем общественного совета отдела культуры Октябрьского райисполкома по проведению циклов культурно-массовых мероприятий «Наш советский образ жизни». С 1943 г. К.И. Никуева работала на восстановлении ц/з «Пролетарий», а позже на идеологической работе. Еще не остыла земля от боев, а Е.А. Полянская уже начала трудиться в одной из строительных организаций, восстанавливая объекты жилого и общественного фонда. В октябре 1943 г. С.Ф. Чиркова стала завучем единственной в тот год заработавшей школы № 8.

Все без исключения члены клуба «Патриотка» принимали самое активное участие в восстановлении города. Клуб «Патриотка» объединил замечательных женщин, настоящих героинь, о которых так хорошо сказал поэт Михаил Исаковский:

И ты перед всею страною,
И ты перед всею войною,
Сказалась – какая ты есть...

Основатели клуба «Патриотка»

Л.А. КОСТОРНОВА, почетный гражданин города Новороссийска, заслуженный работник культуры РФ, кандидат философских наук, награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени

Е.М. ЗАСЫПКИНА, первый председатель клуба, ветеран Великой Отечественной войны, награждена орденом «Знак Почета» и рядом медалей

Если о каждой патриотке, смотрящей на нас со снимка, написать очерк, то получится целая книга. А пока по несколько строк о некоторых, прошедших дорогами войны.

Нина Михайловна БЕРЛАД

1941 г. – выпускница Кубанского мединститута, фронт. О боевом пути фронтового врача говорят награды: «За оборону Кавказа», «За взятие Вены», «За освобождение Праги», «За взятие Будапешта», «За Победу над Германией». После войны – врач больницы железнодорожников, затем 27 лет главный врач этой больницы, где трудилась 50 лет (на фото первых патриоток – в третьем ряду стоит первая справа).

Екатерина Людвиговна ГЛОТОВА

Вела «машины, объезжая мины», водитель ЗИС-5 и машин других марок (на снимке в третьем ряду, вторая слева).

Елена Васильевна БРЕСЛАВСКАЯ

Расписалась на Рейхстаге. 25 лет прослужила в пограничных войсках (на снимке третья справа во втором ряду).

Многие участницы войны пришли в клуб позже. Среди них матрос в отставке, как говорила о себе **Раиса Яковлевна ЯРОВАЯ.** Участница Великой Отечественной войны. Служила с 1943 года по 1946 год в Новороссийской военно-морской базе. Далее –торговый работник, профсоюзный активист. 25 лет в городском суде была народным заседателем. Вела большую воспитательную, патриотическую работу в городском обществе инвалидов. Награды: медали, посвященные юбилеям победы над Германией, медаль Жукова, орден Отечественной войны II степени.

Валентина Ивановна БОГДАНОВА

Но прежде чем Валентина, девчонка из новороссийской балки, попала на фронт, была образцовая школа № 4, рабфак, Краснодарский мединститут. В ноябре 1941 года всем курсом были призваны в РККА – Рабоче-крестьянскую Красную Армию. Младший полковой врач участвовала в боях за Сталинград, где была тяжело ранена. Валентина Ивановна стихами рассказала о том, что пришлось ей пережить:

... В груди давило и хрипело,
И черной струйкой кровь бежала.
Не помню, долго ли лежала...
Над степью - утро. Рассвело.
Смотрю: склонился надо мной
Знакомый старый ездовой...
Коня он гнал что было мочи.
От боли я стонала очень.
Прошу солдата пристрелить,
А он из фляги стал поить,
Мне гимнастерку разорвал
Бинтами раны обвязал...

Коллеги спасли Валентину Ивановну. 45 лет она трудилась на благо горожан, возвращая им здоровье. Была участковым врачом, заведующей отделением в больнице № 1, главным врачом, довелось работать и в горздравотделе. Там, где появлялась Валентина Ивановна, становилось тепло, легко, весело.

Весь первый состав клуба «Патриотка», и доктор Богданова в том числе, к великой скорби ушли в мир иной.

Лейтенант медицинской службы **Мария Семеновна СТАРОСЕЛЬЦЕВА** пришла в клуб в самом конце прошлого века. 21 марта 2020 года ей исполнилось 94 года. А 18 мая ее не стало… Когда началась война, студентке Кировской фармшколы едва исполнилось 15 лет. В 1943 году, в 17 с половиной, закончила учёбу и была мобилизована как специалист для фронтовых госпиталей. Наши войска двигались уже на Запад. Шли тяжёлые кровавые бои. Мария Семеновна в автобиографии писала:

«Отдыхали по два часа в палатках на полу, так как в любое время с поступлением раненых надо было срочно готовить то, что требовали врачи. Как и все медики таскали носилки, стирали окровавленные бинты, скручивали их. Читали раненым сводки Совинформбюро, писали письма их родным, устраивали небольшие концерты».

Дорогами войны она прошла Украину, Румынию. Победу встретила в Венгрии. Служить довелось и в Австрии – начальником аптеки полка, и только в сентябре 1946 года была демобилизована в звании лейтенанта медицинской службы.

А дальше – Новороссийск, 45 лет работы в аптеках города, общественные дела – внештатный фарминспектор, редактор стенгазет, писала стихи для них. Талант проснулся, как она сказала: «Лишь в сорок лет мне суждено, мечтая, взяться за перо».

И из-под этого пера вышли замечательные стихи. Они включены во многие сборники. Вышел и отдельный том «Память сердца». По итогам традиционного творческого конкурса «Венок Победы», проходящего на Кубани, победителем в номинации «Лучшее авторское стихотворение о войне» стала Мария Семеновна. Дипломом I степени отмечено её стихотворение «Живи и помни, ветеран!»

Ветераны войны, ветераны!
Всё болят ваши старые раны.
Но вы не забыли погибших ребят,
Они вечно живые, но спят...
Много их разбросало по миру,
Нелегко отыскать их могилы.
Только память упрямо хранит
Ту бессмертную крепкую нить.
Сталинград и Москву отстояли,
И па Ладоге насмерть стояли.
И под Курском, Смоленском, Орлом –
Не забыть ветерану о том.
Как тонули в Дунае, Днепре и Днестре,
И как гибли на огненной Малой Земле,
И Кавказ, и Кубань отстояли,
Вернули и Крым,
И потом уж пошли прямиком на Берлин!

Мы всегда будем помнить Марию Семеновну Старосельцеву – замечательного человека, участницу Великой Отечественной войны.

В наших рядах есть ещё один ветеран войны. **Евгения Александровна ШПИЛЕВАЯ.** В 1941 году ей исполнилось 13 лет. Как и всем подросткам, находящимся в тылу, ей пришлось хлебнуть и голод, и холод, но главное – учиться и трудиться, не думая о себе, поэтому и отмечена она медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и званием ветерана войны. В октябре 1947 года молодой специалист по направлению приезжает в Новороссийск, лежащий в руинах. А дальше была работа по специальности, перевод по решению крайкома ВЛКСМ в Новороссийский горком комсомола. Воскресники на заводах, в порту, на железной дороге, где в первых рядах, конечно, были комсомольцы. Позже, работая в пароходстве, Евгения Александровна возглавляла парторганизацию экономической службы. А в клубе «Патриотка», где её очень уважают, она в свои 92 – неизменный помощник председателя.

Время неумолимо и на смену ветеранам пришли мы, дети войны, возраст которых колеблется от 78 до 87 лет. Мы бываем в школах, рассказываем о героизме советских людей в годы Великой Отечественной войны, о самоотверженном труде в тылу. Наши планы нарушила пандемия, но до карантина в начале года мы успели встретиться с учащимися гимназий № 2 и № 8. Крепкая дружба связывает нас с гимназией № 20, где директором Светлана Николаевна Лактюшкина.

Одним из результатов этой дружбы стала аллея Героев Советского Союза – новороссийцев. Их тринадцать. И у каждого вечнозеленого деревца табличка с его именем. Как будто в едином строю стоят танкисты Иван Сарана, Александр Назаренко, Владимир Марков, летчики Василий Помещик, Александр Шаповалов, Георгий Лобов, братья Владимир и Константин Коккинаки, Евгений Савицкий, моряки Георгий Агафонов, Владимир Тарасевич, десантник Иван Котов, пехотинец Василий Голован.

И многие поколения будут помнить имена новороссийцев, героически защищавших наше Отечество от фашистской нечисти.

Для того и работает клуб «Патриотка», отметивший в этом году своё 38-летие. Бла-

годарим друзей, поздравивших нас с этой датой, и сотрудников городского Дворца культуры во главе с его директором Натальей Яценко, которые дают нам кров, помогают во всём и ценят нашу работу.

А это последний коллективный снимок патриоток,
пришедших отметить юбилей клуба

Сидят (слева направо):

Остроушко С.С.
Рябенькая И.А.
Шпилевая Е.А.
Есина Б.И.
Крицкая А.Г.
Мамонова Т.В.
Белова А.П.
Головко Л.П.
Старосельцева М.С.

Стоят (слева направо)

Яровая Р.Я.
Соколова Л.А.
Коновалова А.Ю.
Хачапуло Ж.П.
Хачатурова М.А.
Хоботова Т.Д.
Косторнова Л.А.
Вовненко В.С.
Кубарева Л.Г.
Миленина Л.П.
Кузнецова Л.И.
Василенко Ж.С.
Пристанская И.А

Бина ЕСИНА,
заслуженный журналист Кубани,
25 лет возглавляющая клуб «Патриотка»

ПАМЯТИ НЕ ДОЖИВШИХ

Посвящается моему отцу
и тем, кто уже не расскажет

(печатается с сокращениями)

Военная судьба моего отца, Георгия Дмитриевича Букаренко, замечательна тем, что в ней не было ни великих подвигов, ни великих трагедий. А была грязная, тяжёлая, кровавая, страшная работа. И несколько особо памятных случаев, когда был уже списан в расход, да случай спас. А значит, судьбу эту можно примерить к тем сотням тысяч воинов, которые уже не могут поделиться воспоминаниями. Отец не любил говорить о войне. Но в день 9 Мая за кружкой с водочкой он и его друзья, бывшие фронтовики, ворошили память. Как я теперь понимаю, не для того, чтобы похвастать, а, чтобы ещё раз прочувствовать: вопреки всему – живы остались! Живы и почти здоровы. Почти – потому что ранения имели все, кого я знал. Мне проще передать отцовы рассказы от первого лица, как если бы он сам с вами говорил:

«Летом 42-го убирал я под Варениковкой урожай на тракторе «Фордзон». Вместе с ним и был призван в артиллерию, когда немец попёр на Сталинград. Прицепили к нему тяжёлую гаубицу и двинулись без единого выстрела в отступление. Прямой путь на восток немцы уже перекрыли, поэтому ползли через Новороссийск по узкой дороге на Туапсе. Там можно было перебросить нас через Кавказ, загородить фрицам путь.

Дорога переполнена днем и ночью, немецким летчикам и целиться особенно не нужно, а наших в небе ни одного. Под самым Туапсе вываливает из-за горы «юнкерс» и пикирует прямо на голову. Я спрыгнул влево, к горе, а весь расчёт гаубицы, пять человек, вправо. Тяжёлая бомба как раз в них и легла. Ребят в клочья, пушку и трактор вдребезги, а меня только контузило, ни одной царапины – родной «Фордзончик» спас. Дальше трясся я, лежа в телеге, до Сочи. Там признали годным и переписали из тяжёлой артиллерии в горную.

Пришёл приказ: перейти Кавказ через Клухорский перевал. Была еще тогда Военно-Черкесская дорога, а на самом деле – широкая полуразрушенная тропа, телега не пройдёт. Горную пушку можно разобрать и навьючить на лошадей. Но тут оказалось, что лошадей почти нет, а ишаков хватает только для переноски пушек. А зачем пушка без снарядов? Пришлось нам самим ишачить. Горный артиллерист, как пехотинец – всё своё несёт на себе. Вес амуниции около 25 кг. И тут ещё вручают тебе два снаряда по 8 кг весом. Хоть в зубах неси, а к месту доставь. На счастье, не было у нас сапог, а были ботинки с обмотками. Обмотка – это такая парусиновая лента для обёртывания ноги от ботинка до колена. Сделали мы из них лямки, подвязали по снаряду на грудь и спину – и вперёд!

Хорошо бы вперёд было просто – вперёд. А у нас по курсу перевал без малого 3 км высоты. И срок – перевалить вчера. И жарища под 40. И основная еда – солёные селёдка да таранка. Это сейчас я знаю, что рыба нас спасала – возвращала соль, унесённую потом. А тогда мы бы в клочья порвали того, кто такой рацион устроил. Потому что фляжку выпивали в первые полчаса, а ручьи попадались ох как не часто. На привал становились не раз, когда кто-нибудь от перегрева да перегрузки сознание терял. Понятно, что постарались выкинуть всё,

без чего можно прожить. Оружие и снаряды не бросишь – расстреляют. Но противогазы, сапёрные лопатки, начинка вещмешков и прочая солдатская «бижутерия» усеяла весь путь. Некоторые умудрились «забыть» на привалах шинельные скатки и даже каски. Всё-таки на четвертый день докарабкались до Клухорского перевала. Перевал – это не точка. Это корявый горный участок километров 40 длиной. А там вечные льды и метель! Целые сутки нам не давали останавливаться, гнали и матом, и зуботычинами, и стрельбой, к счастью, в воздух. Как мы командиров ненавидели! А ведь они нас спасли. Многие, конечно, поморозились, у меня ботинок порвался, чуть пальцы на ноге не отвалились. Но перегребли-таки на черкесскую сторону. Радовались несказанно – вниз, мол, легче шагать. А оказалось – хрена! Вниз идти куда труднее, чем вверх. Ноги прямо-таки разрезало болью, судороги хватали раз за разом. Ну и кислородное голодание радости не добавляло. Откуда силы брались – уму непостижимо!

И вот спустились мы наконец в предгорья, как в рай земной. Воздух пить можно, птицы поют, грибы, каштаны, орехи разные, кизил, барбарис, кислица, груши, тёрен… Девушек разве что не хватает. Однако радовались недолго. Немцы к тому времени прошагали по степям мимо нас на восток, оставили вдоль хребтов румынскую армию. Румыны в бой особо не рвались. А у нас для наступления ни сил не было, ни смысла. Вот и закопались в землю по уши и глубже. Эх, была бы ещё осень подлиннее! Да кончилась. Перевалы позади пересыпало снегами, стали они непроходимы. Попали мы вроде бы и не в окружение, а так – на остров в море войны. Дары природы, до которых дотянулись, к ноябрю подъели, местные жители вместе со скотом и припасами потихоньку куда-то сгинули. Подальше от нас, наверное. Ведь хочешь не хочешь, а мы их вполне официально грабили. И начался голод.

На фронте единственная дичь – та, что по ту сторону нейтралки в тебя целится. Ночные вылазки за продовольствием были делом регулярным. Румыны наших разведчиков, понятно, хлебом-солью не встречали. И, может быть, зря. По крайней мере, не было бы повода убивать их за вещмешок, в котором – если повезёт! – лежит банка-другая консервов да хлеба краюха. Особо ценилась соль. Был у нас приказ по полку – расстреляли особисты одного разведчика, который соль добыл, а в общую кухню не сдал. Главным продуктом питания стали желуди. Если их 3-4 часа покипятить, то и горечь почти уходит, и разжевать уже можно.

Так просидели мы в окопах до января 43-го, пока не пошли наши основные силы от Сталинграда на запад. Тут мы к ним присоединились, и началась обычная фронтовая жизнь. Под Тихорецкой пушку нашу разбило снарядом. До получения новой стали мы пехотинцами и скоро закопались в траншеи – наступление остановилось.

Однажды послали нас с Гришей за котловым довольствием в тыл. Кухня за перелеском стояла. Только мы лесок прошли, слышим – сзади мины упала, вторая ближе. Когда у фашистов было вдосталь боеприпасов, они часто лупили не прицельно, по площадям. Называлось это «беспокоящий огонь», на мозги нам давили. Стреляли по расписанию и методически – мину за миной в линеечку клали. Понятно, что без всякого «ложись» мы в снежную слякоть плюхнулись. Третья мина упала где-то в ногах, четвёртая уже в головах. И чувствую я – всё, отходился, левую ногу как под корень оторвало. Боль невыносимая, а посмотреть боюсь. Хотел Гришу попросить – сказать мне, что там с ногой. А Гриша рядом лежит, и полчерепа у него откинуто, как крышка с чайника. Всё ж таки решился я, глянул на ногу. Вроде с виду целая и на месте. Подвигал – шевелится. Кое-как встал и похромал к санитарной землянке. Там меня осмотрели, и старший санитар выматерил: «Ты, ж… раненный, бегом в окопы, пока мы тебя особистам не сдали! Дезертир хренов!» Обнаружили единственную дырочку со свежей кровью. Как если бы под коленку спицей ткнули. А это был осколок размером со спичечную головку. Железяка вошла под коленкой, пропахала мышцы всего бедра и застряла в паху. По пути, должно быть, какой-то крупный нерв задела, что так больно было (так мы папу и похоронили в 2000-м – с осколком). Выхожу из землянки, навстречу санитар спускается: «Эй, что это у тебя с плечом?» Глянул я на левое плечо – ватник разорван, а из тряпок розовые осколки кости торчат. Подарок от четвёртой мины. Из-за ноги я его не чувствовал. Ну и ушёл в обморок.

Рана была тяжёлая, сустав раздроблен. Отправили в тыл. Санитарный поезд шёл на Ставрополь. Там пути-то полдня, а тянули нас несколько суток – все пропускали более важные

составы. Вагон был даже не теплушкой, а просто товарняк без нар. Народу набили так, что лежа спать приходилось по очереди. В углу дырка в полу вырублена – туалет. Хуже всего лежачим было. Приходилось под себя ходить, если другие немощные не помогут. Потому что весь уход за нами – пару раз в день откатывали снаружи дверь, ставили вёдра с водой да забрасывали несколько буханок чёрного. А дальше – помогай друг другу, как кто умеет да у кого какая совесть.

Плечо загноилось, где-то на вторые-третьи сутки воспаление дошло до того, что в сознание иногда только приходил. Потому и не знаю, сколько дней мы тащились. Очнулся в госпитале уже после операции. И узнал, что опять мне небывало повезло. Когда поезд разгружали, раненых, конечно, сортировали. Эти уже холодные, этих срочно оперировать, эти потерпят, а этим и нужно помочь, да вряд ли выживут. Их откладывали в сторонку «на потом». Практически списывали в смертники, слишком уж длинной была очередь к хирургу. Вот и меня туда отложили. Да, на счастье, медсестра, что доктору помогала, оказалась Катюшей Петровой. Мы с ней все семь лет в одном классе учились. Упросила доктора меня оперировать. Опять верная смерть промазала.

После госпиталя комиссовали как негодного к службе. Левая рука висит, как плеть, считай, что парализована болью, даже пальцами шевелить невмоготу. Пристроился в Баку помощником кочегара в котельной. Там и ночевал. Одной рукой много не наработаешь, заработка, считай, что нет. Хорошо, хоть паек давали, да по летнему времени из садов фрукты воровал, до которых дотянуться мог. Кочегар, старик-азербайджанец Али, говорит: «Ты боли не бойся, пусть она тебя боится. Шевели рукой, шевели, пока совсем не отсохла». Послушался я. Подойду к стене и пальцами по ней вверх «шагаю», тяну руку, пока терпежу хватает. Когда заметил улучшение, обрадовался. Очень старался разработать сустав. Ну и достарался на свою задницу. Через полгода вызывают на комиссию, признают годным без ограничений и отправляют в накопительный лагерь.

Накопитель – это десяток бараков на голом склоне горы. Участок огорожен колючей проволокой, по углам вышки с часовыми. Воды вдосталь, ручей течет через территорию. А с едой плохо. Два раза в день подъезжает к колючке полуторка, и солдатики через забор перебрасывают мешки с хлебом. Внутрь заезжать боялись – могли пострадать в свалке, которая за еду начиналась. Командирами среди нас были люди случайные и временные, из нашего же брата-фронтовика. Кто их слушать будет? Чекисты в наши дела не вмешивались, только охрану держали, чтобы мы не разбежались. Короче, дичь, хуже, чем в концлагере. Периодически подъезжают «купцы» от разных родов войск. У них уже списки готовы. Как-то построили нас, летчики ведут набор. Зовут какого-то Чумаченко, то ли Кухаренко, он не отзывается. Я стою и думаю: «В технике разберусь не хуже другого, а летчиков хоть кормят прилично». Взял и откликнулся. Обложили меня матом, потом погрузили нас в ЗИС-5 и повезли. Как и ожидалось, на месте, за сотню километров, никто не озаботился везти меня обратно. Какая разница, кому в самолете гореть? Подошел под их требования – вот и оставили в авиации.

Определили в школу стрелков-радистов для бомбардировщиков. Сидеть мне в отдельной кабине ближе к хвосту и отстреливаться от истребителей, заходящих сзади. А в промежутках переговариваться с другими самолетами и аэродромом. Внутри самолета по интеркому

с экипажем можно голосом разговаривать, а внешняя связь – морзянкой. Учили раздельно: летчики, штурманы, радисты. Потом, по выпуску, начиналась «слетка» в единый экипаж. Самолет нам достался уже крепко битый на фронте «Бостон». Двухмоторный американец. Летчик – цыган со странным именем Мушек. Первый полет совершенно незабываемый.

Задание – полет по треугольнику. Прошли первый поворот, я, как положено, отстучал на аэродром выполнение. Поднимаю голову – справа шлейф дыма. Ору по интеркому: «Мушек, левый мотор горит!» Они со штурманом в носу сидят, крыльев не видят. Мушек мотор выключил, топливо перекрыл, перевел самолет в скольжение. Грамотно отработал. Мотор потух. Я стучу по Морзе на аэродром о происшествии. Они приказывают садиться на ближайший аэродром – учебку истребителей. Закончил переговоры, голову поднимаю – что за дьявол! Теперь слева какая-то пелена, вроде тумана, от крыла тянется. «Мушек, что с правым крылом?!» В ответ слышу мат. Оказывается, чтобы облегчить левое крыло, он включил насос – перекачать бензин в баки правого крыла. Ну и качал насос, пока пробку от переполнения не вышибло. И чистейший авиационный рядом с выхлопом двигателя распыляется. Ладно. Насос выключили, идем на посадку. Земля ближе, ближе, ближе… «Мушек, шасси!» Матернуться в ответ он еще успел, а вот шасси выпустить… Шлепнулись мы на брюхо, и пошли винтом по такыру. Наверное, я отключился. Прихожу в себя – был солнечный день, а теперь ночь. И дышать вроде нечем. «Это что, уже на том свете?..» Потом вижу – в ногах вроде круг светлеть начинает. И тут дошло: самолет на боку лежит, а при посадке сорвало люк, через который парашютируются. А темень – от пылищи, которую мы своим лихим приземлением подняли. Эх, как рванулся я к люку! Самолет в любой момент загореться может, бензином крепко воняет. Рвануться рванулся, а с места не стронулся. Схватил меня кто-то за плечи и держит намертво. А кабинка крохотная, второму человеку никак не поместиться. Неужто бесы держат? Не помню, сколько бился в истерике, пока не понял, что это парашютный ранец чем-то зацепило. Отстегнул, нырнул в люк, подхватился и бегом, бегом куда подальше. Пыль все редеет, и вижу – навстречу мне черти бегут. Черные, волосы дыбом, шкуры поблескивают. Опять думаю, все-таки в аду. Шарахнулся от них. Потом дошло, что это техники-механики аэродромные. Сами в саже, в масле, и робы промасленные. Еле они меня поймали. И вот ведь – был я и есть откомельный атеист. И раньше, и позже были отчаянные моменты, никогда ни Бога, ни черта не поминал. Отчего мозги именно тогда в религиозную тему шибануло? Может, оттого, что близко к небу побывал?

Самолет разбит в металлолом, за нами приехала полуторка со спецами и особистами: на месте расследование провели. На родном аэродроме я сразу написал рапорт, чтобы перевели в пехоту. Налетался. Вызывают к командиру училища. Грузин-полковник, носом целину пахать можно, глаза шарами: «Ты, сержант! Под трибунал захотел? В землю закопаю, если не полетишь!» «Больше не полечу, лучше в окопах гнить». «Ну, смотри. С сегодняшнего дня – бессменным флажковым! Иди». У летчика «Бостона» при посадке единственный навигационный прибор – собственные глаза. Начинающий летчик не умеет еще связывать скорость, высоту и направление в единое целое, не чувствует машину, как говорили. Поэтому почти все аварии – от неудачных посадок. Вот в помощь новичкам и высылают на поле флажкового. В руках у него два флага шахматной раскраски, они хорошо видны издали. Флажковый стоит на посадочной полосе, следит за садящимся самолетом и отмахивает флагами: выше-ниже, правее-левее. А когда машина близко, падает на землю – меньше шансов попасть под

винт или колесо. Аэродромы в Азербайджане проще всего было строить на такырах. Это огромные плоские зоны такой соленой земли, что даже колючка не растет. Земля – плотная глина, готовая взлетная полоса. Одна беда: после дождя покрывается слоем мылкой липкой грязи. А когда солнышко эту грязь прокалит, она превращается в соленую пудру. Вот и выходит, что флажковый либо в грязи весь день купается, либо в пыли задыхается. И каждая чужая посадка смертью грозит, а их за день – десятки. Короче, через месяц забрал я свой рапорт и в ноябре 43-го стал летающим стрелком-радистом.

Среди всех военных профессий самой смертоносной была специальность летчика-истребителя. Сами истребители считали, что если тебя не сбили в первые пять часов боевых вылетов, то летать будешь долго... часов десять. Летуном-бомбардировщиком вроде бы безопаснее. Но это если тебя хорошо прикрывают истребители, а это было далеко не всегда. И зенитчики огонь на нас сосредоточивали: и опаснее мы, и целиться легче. К концу 43-го «Бостоны» были слишком тихоходными для дневных полетов, поэтому в основном мы бомбили ночами. В воздухе, конечно, ты незаметнее, зато каждая посадка на грани смерти. Во-первых, поди найди родной аэродром, когда земли почти не видно. А там – попробуй сядь. Полосу подсвечивали прожекторами, но ночью оценить расстояние до земли глазами трудно, а альтиметры (высотомеры) были слишком неточными. Но все-таки при посадках гибли меньше, чем в воздухе. Сколько было вылетов – не помню, сбился уже на первом месяце. Два раза нас подбивали. Один раз еле до дома дотянули на дымящем моторе, а в другой пришлось на парашюте приземляться. Слава Богу, над нашей территорией.

В середине 44-го «Бостоны» кончились, пересадили нас на «Пе-2», пикирующий бомбардировщик. Хотя с пикирования мы так ни разу и не бомбили. Боялись летчики этого рискованного маневра. Стало больше дневных полетов. Один запомнился крепко. Летали над Белоруссией, и был там один очень вредный железнодорожный мост через реку. Немцы его обсадили зенитками, и их истребительные аэродромы близко. Фоккеры все время в воздухе. Наши нервничают, бомбят неприцельно, в мост никак не попадут и уже несколько машин потеряли. Получили наши командиры приказ чуть ли не от самого Жукова: уничтожить мост немедленно любой ценой. Придумали так: залететь в тыл к немцам, выстроить самолеты в цепочку над железнодорожным полотном и идти на бреющем полете как можно ближе к земле. Послали три звена по три самолета. Наш был вторым в третьем звене. Первые два звена промахнулись, бомбы упали в воду. А наш ведущий положил-таки их на мост. Когда мы бомбили, попали под осколки. Хвост нам размолотило в мочалку, как домой дотянули и сели – до сих пор не понимаю. А третий самолет влетел уже в осколки наших бомб и рухнул на мост. Я это видел, мне в хвост смотреть положено. Фотопушка наша разрушение моста не зафиксировала, слишком низко летели. На аэродроме взялись за нас особисты. Надежных данных об уничтожении моста нет, а тут зашла нелетная погода, проверить результат невозможно. Что докладывать наверх? При любом сообщении в случае ошибки головы полетят. Я стою на своем: «Мост разбит», а у самого душа ледяная. Насколько мост поврежден, я не видел, там каша была из огня, дыма и каких-то ошметьев. Но ведь это и от поезда клочья могли быть, если он в тот момент по мосту шел. Мысль про поезд чекисты на допросе подсказали. Стало мне совсем худо, но решил показания не менять – еще сильнее прицепятся. На счастье, то ли от партизан, то ли от разведчиков поступила информация, что мост разбит сильно, движение по нему прекратилось. Представили наши экипажи к орденам, да так это представление и замоталось где-то. Обидно, конечно, но лучше уж без ордена, чем без жизни. А лети я в третьем самолете?..

Летчики в армии считались элитой. С одной стороны, знаний и умений от нас требовалось больше, чем от пехоты, с другой – рисков вроде бы больше, с третьей – снабжали нас лучше, чем остальных. Да и сам престиж профессии… А если подумать – были мы такими же работягами, как танкисты, минеры, саперы, да и те же пехотинцы. Загрузились, полетели, отстрелялись, если тебя атакуют, отбомбились, вернулись (Бог миловал), и хорошо, если отдохнуть дадут. Рутина.

Правда, еще одна бомбежка была необычной. Под Варшавой. Ночью приехала на аэродром спецкоманда, всех наших с поля убрали, подвесили под «Пешки» кассеты неизвестно с чем. Кассета по форме похожа на торпеду, но на самом деле это просто жестяная оболочка. Начиняют ее мелкими бомбами. В падении кассета раскручивается воздушным потоком и раскрывается на высоте метров 50. Начинка разлетается веером. Сразу после погрузки дают нам команду «по машинам» – и на взлет. Повезли мы это неизвестно что и перед рассветом сбросили разом с нескольких десятков самолетов. Не конкретно на какую-то цель, а по площади. Когда разворачивались, посмотрел я вниз, а там по земле как бы молнии голубые километровые во все стороны летают, не затухая. Через неделю перенесли наш аэродром на запад, как раз в те места. Картина была страшная. Не только все сгорело, что на земле было, но и сама земля сантиметров на пять вглубь выгорела на черный прах. Потом ходили слухи, что немцы применили на фронте газы, а мы в отместку засыпали их фосфорными бомбами. Очень похоже на правду. О таких бомбардировках я больше не слышал и не читал нигде. Обе стороны замяли факт применения запрещенного оружия. Но я-то видел и бомбежку, и ее результаты своими глазами.

Когда пересекали границу с Польшей, нам внушали, что поляки – братья-славяне. Ждут не дождутся освобождения от фашистского ига и встретят нас пирогами. Только пирогами там не пахло. Не потому, что страна была разорена, а потому, что не видели поляки особой разницы между нами и немцами. До революции Польша была в составе России, и русские «любили» поляков так же, как евреев. Очень похожи эти нации. В Гражданскую повоевала Польша с нами. Кстати, победила, добилась долгожданной независимости. И после нахального раздела ее между нами и немцами в 1939 году вряд ли население радовалось оккупации, что по ту, что по эту сторону. Смотрели на нас волками, саботировали, мелкие пакости нам строили регулярно. А я так и вовсе чуть голову там не сложил. Отпустили наш экипаж в увольнительную. Выпили самогонки в каком-то занюханном шинке. Летчик и штурман местных девушек сняли, а мне не досталось. Я обиделся и отправился домой один. Уже темнело, вокруг развалины, хмелек быстро выветрился. Я со страху наган из кобуры вынул, в карман сунул и так и шагаю с рукой в кармане. Как на меня напали, что не слышал? А только трахнули по затылку, и, чую, за кобуру хватают. Так через галифе и выстрелил в землю. Слава Богу, напугал, убежали.

Когда бомбили Варшаву, к ней и подлетать-то было страшно – столько в воздухе висело самолетов. Недаром нас наградили медалью «За освобождение Варшавы». А потом был Берлин. По крышам домов ползают штурмовики, выше этажами легкие, средние и тяжелые бомбардировщики, разведчики. И истребители, истребители, истребители... Четыре страны выплеснули на один город концентрат своей авиации. А снизу лупят зенитные пулеметы, артиллерийские автоматы, тяжелые зенитки. И в этой каше, невзирая на угрозу элементарного столкновения, нужно не потерять своих, найти и отработать цель! Каждое возвращение было подарком, и чуть ли не в каждом самолет получал хоть малое, да повреждение. Их тут же латали, но бодрости к следующему вылету это не добавляло. Так что медаль летчикам «За взятие Берлина» дорогого стоит.

А самое памятное, что на войне было, – конечно ночь на 9 мая. Стреляли из всего, что стреляет. Пили все, что льется, кроме бензина. Орали, свистели, пели, хохотали, плакали, не стесняясь. Не найти слов, как в душах кипело – теперь тебя не будут убивать! Да, страшного врага победили! Да, страну отстояли! Да, теперь мирно заживем, к семьям вернемся! Это тоже было счастьем. Но как бы второго плана. Главное – теперь тебя не будут убивать! И знаете, чего я вам желаю? Чтобы вам никогда такой радости испытать не довелось! Ну их к чертовой матери, эти войны! Выпьем за Родину, за Сталина и за мир во всем мире!»

Юрий БУКАРЕНКО,
офицер ПВО

СОЗДАТЬ ПАНТЕОН ГЕРОЕВ НОВОРОССИЙСКА

В 2020 году празднуется 75-летие Победы в Великой Отечественной войне. История подвига пишется каждый день, открываются новые факты, имена… Нить исторической памяти непрерывна.

Накануне 74-й годовщины на мемориальном комплексе «Малая земля» состоялась традиционная патриотическая акция «Героев помним имена!» В галерее боевой славы в капсулу «Сердце», где хранятся списки солдат, павших, в боях за Новороссийск, добавлена тысяча новых фамилий.

О большой, важной и кропотливой работе, возвращающей имена погибших, – интервью с заведующей отделом Великой Отечественной войны Новороссийского историческогомузея-заповедника, заслуженным работником культуры Кубани **Раисой СОКОЛОВОЙ.**

– Раиса Михайловна, эта акция проводится уже не первый год, и всякий раз вызывает эмоции у каждого ее участника. Как родилась эта идея, когда и как началась такая большая работа?

– В 1975 году в Новороссийске началось строительство комплекса «Малая земля». Автор проекта известный скульптор-монументалист Владимир Цигаль, сам в прошлом фронтовик, поясняя свой художественный замысел, озвучил идею о том, что мемориал предполагает, чтобы здесь были со временем увековечены фамилии и имена всех погибших в боях за Новороссийск, известных и безымянных его защитников. Тогда и началась постоянная работа нашего музея с военкоматами. Мы получили от них списки погибших здесь воинов на 5 288 фамилий.

16 сентября 1982 года, когда торжественно был открыт комплекс «Малая земля», эти фамилии были перенесены на микропленку и заложены в капсулу «Сердце» в галерее Боевой славы. В этом ритуале был, на мой взгляд, очень глубокий и волнующий смысл, который зримо читался так: Родина всегда будет хранить в своем сердце имена своих верных сынов, героев Великой войны. Это положило начало ежегодному проведению акций по закладке новых списков с именами погибших воинов, которые нам удается установить в ходе скрупулезной работы.

– Город-герой Новороссийск, легендарную Малую землю посещают тысячи людей из разных уголков страны, ближнего и дальнего зарубежья. Бывают ли среди них те, кто продолжает искать своих близких?

– После проведения первой акции мы стали получать сотни писем отовсюду с просьбами помочь найти, установить, где и как погибли их родственники, где они похоронены. Мы не один год вели алфавитную картотеку, в которой было к тому времени уже 11 703 фамилии. Поиски значительно активизировались, начиная с 2009 года, когда была создана Объединенная общероссийская база данных Министерства обороны РФ. Она стала надежным подспорьем и в нашей, по сути, научно-исследовательской работе. Сегодня мы сверяем с ней практически каждое имя, дату, возможное место захоронения. В 2012 году в

нашу картотеку добавилось 1 339 новых фамилий. В 2013 – 1 295, в 2014 – 2 368 фамилий. Рекордным был 2017 год, когда список пополнило более 3 тысяч новых имен. А это ведь фамилии только тех, кто пал на огненном рубеже Малой Земли, кто погиб или пропал без вести в боях за Новороссийск. Мы считаем своей маленькой победой каждое достоверно установленное новое имя, о котором можем сообщить его родным и близким.

– Время, прошедшее с начала Великой Отечественной войны, многое стерло в памяти людей. Да и документов, уцелевших в огне войны, не так уж много. Что помогает осуществить надежды и ожидания близких, а главное – сохранить историческую достоверность?

– Проблем в нашей работе действительно немало. Очень сложно порой установить точное место захоронения бойца. Как это сделать, если в едва сохранившемся, с трудом читаемом документе указано: «Похоронен 200 метров северо-западнее Мысхако». Или, например, «Село Владимировка, школа, северная часть ограды». Найти эти места по таким описаниям сегодня практически невозможно. В подавляющем большинстве списков так называемых безвозвратных потерь указано: «Похоронен в Новороссийске». Мы пытаемся установить, где в это время находилась та или иная часть, в которой воевали бойцы, ищем указания их имен на братских могилах, которых только на территории нашего города около 40. На сегодняшний день наша картотека насчитывает более 23 тысяч фамилий павших защитников Новороссийска.

Хочу отметить, что большой вклад вносят мои коллеги: научный сотрудник Юрий Антипин и сотрудник отдела Ирина Редькина. Именно она создает электронную базу данных, куда заносит сведения, полученные из военкоматов, от родственников погибших. Устраняет различные документальные «нестыковки», сверяет сотни, тысячи фамилий, в которых иногда бывают расхождения всего в одну букву, но это порой может многое изменить в установлении истины. Такую работу нельзя вести с холодным сердцем. Она требует терпения, особой тщательности, ответственности.

– Вы много лет занимаетесь этим делом. Ему отдано столько души, сердца, сил. Каким видится его завершение?

– Я считаю, что такой город, как Новороссийск, может и должен создать единый пантеон, в котором должны быть увековечены имена и фамилии всех, кто пал в ожесточенных боях на этих стратегически важных рубежах России.

Анатолий НИЛОВ,
заслуженный работник культуры России,
графика «Сердце» выполнена художником
Анатолием КАРАВАЕВЫМ

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОВОРОССИЙСКА

Новороссийск, безусловно, является одним из самых красивых городов нашей страны. Амфитеатром расположенный вокруг живописнейшей Цемесской бухты, на любого приезжего он производит сильное впечатление своим промышленным размахом и незабываемым природным ландшафтом. Без особого труда можно составить обширный список достопримечательностей национального, а то и мирового уровня, расположенных на территории Новороссийского района.

К ним, например, можно отнести саму Цемесскую бухту, Суджукскую лагуну, поселок Абрау-Дюрсо с прекрасным озером и прославленным заводом шампанских вин, одну из самых высоких в России телебашню, недавно отреставрированный дореволюционный элеватор, крупнейший во всем Восточном полушарии военный корабль-музей крейсер «Михаил Кутузов», мемориальный комплекс на Малой земле и т. д. В нашем городе завершается строительство великолепной набережной, возводятся храмы, появляются новые памятники. В общем, Новороссийск неудержимо и стремительно растет, поглощая территории и наступая на окрестную природу. Понятно, что его бурный рост порождает целый ряд проблем, которых при учете опыта других городов, в том числе зарубежных, можно было хотя бы частично избежать. Остановлюсь лишь на самых кричащих, видимых даже непрофессионалу, градостроительных и архитектурных ошибках, которые плодятся в Новороссийске с упорством, достойным лучшего применения.

Сразу оговорюсь, что не собираюсь огульно, с либеральных позиций критиковать нынешнюю городскую и уж тем более государственную власть. К сожалению, современный мир развивается в рамках западной цивилизации, объявившей смыслом бытия потребление и комфорт. Очевидно, что, идя по этому пути, человечество расхищает природные богатства и уничтожает среду обитания, создавая гигантские мусорные свалки, отравляя воздух и воду. Россия, вместо того, чтобы избрать план опережающего развития и выступить за сохранение природных ресурсов планеты, на деле следует в кильватере Запада, отличаясь от него «особой» спецификой, отпугивающей от нее потенциальных друзей и союзников. К сожалению, наши нынешние трудности носят объективный характер, ибо созданная в стране в 90-е годы социально-экономическая система реформируется очень медленно, с огромным трудом. Вряд ли народу очень радостно оттого, что олигархический капитализм превратился в государственно-олигархический. В условиях, когда финансовые корпорации руководствуются только экономическими интересами, было бы прекраснодушной утопией ожидать гармоничного развития российских городов. Достаточно и того, что процветает и всячески хорошеет столица, вызывая зависть провинциалов от Калининграда до Южно-Сахалинска.

Новороссийск в этом отношении является типичным примером города, который пытается решать проблемы своего роста после того, как они накапливаются и обретают характер социального бедствия. Причем самое интересное состоит в том, что винить местную власть в силу непреоборимости происходящих процессов, наверное, было бы несправедливо. Ежегодно я посещаю десятки наших городов и вполне ответственно могу сказать, что точно такие же проблемы, как в Новороссийске, существуют повсюду.

В числе этих проблем на первое место я бы поставил обилие недостроев и долгостроев. Ладно бы они находились где-нибудь на окраине города. Так нет же! Над парком Фрунзе доминирует недостроенное 16-этажное здание под громким названием «Марсель», весьма похожее на утюг. В Парковой аллее на месте очень милого круглого кафе, напротив бывшей гостиницы «Черноморская», отгрохали странное сооружение, украшенное античными колоннами, которое пустует уже лет семь. То же самое можно сказать и о бывшем кинотеатре «Смена», превращенном в некое подобие то ли мавзолея, то ли казармы. Неподалеку от краснокирпичного исторического дома купца Обрадовича «сдается в аренду» еще одно никому не нужное сооружение – двухэтажный магазин. На набережной, с правой стороны от памятника

Основателям города, все никак не достроят торговый комплекс, протянувшийся до вознесенного на постамент торпедного катера. Рядом с Морским культурным центром возвышается до сих пор не введенная в эксплуатацию круглая хай-тэковская высотка. И это все – всамом центре города! Не хочется в очередной раз поминать самый знаменитый недострой Новороссийска – драматический театр, заложенный еще в эпоху незабвенного Леонида Ильича. Грамотные архитекторы (у нас в стране их, кажется, осталось очень мало!) знают, что наличие недостроев и долгостроев приводит к деградации прилегающей территории и деморализации населения. Причем второй фактор куда опаснее. Попробуй докажи кому-нибудь, что в России создана эффективная социально-экономическая система, если городским властям, поддержанным Общественной палатой, так и не удалось отнять недостроенное здание театра у владельца, купившего его в лихие 90-е годы за бесценок. Результат всем известен: со времен «застоя» и до настоящего времени парализовано нормальное развитие центра Новороссийска!

Еще менее разрешимой видится проблема массовой застройки города так называемыми человейниками, то есть, по аналогии с муравейниками, типовыми безликими жилыми многоэтажными домами. Они растут как грибы после дождя буквально повсюду: наступают на Цемесскую рощу, захватывают прекрасные земли полуострова Мысхако, выползают на горы. Даже рядом с мысом Любви вместо крупного общественного центра, создание которого планировалось в советское время, выросли титанические 20-этажные башни для состоятельных клиентов. Кстати, по какой-то неведомой причине квартиры в подобных «недонебоскребах» рекламируются в качестве престижного жилья, тогда как наилучшими для комфортного обитания считаются 4–7-этажные дома или коттеджи. Удивительное дело, передовые страны мира отказываются от строительства типовых жилых домов, а мы идем своим, в данном случае тупиковым путем. На заре перестройки в «Новороссийском рабочем» была опубликована моя статья «От типовых домов – к типовым людям», в которой я пытался доказать, что районы бетонных девятиэтажек, построенных в стиле брутального функционализма, отнюдь не украшают наш город. Увы, спустя тридцать лет можно с печалью констатировать, что проблема лишь усугубилась! Ее настоящая причина – в алчности строительных компаний, желающих получить максимальную прибыль и готовых ради денег и дальше громоздить убогие человейники. Городская власть просто обязана с подобными застройщиками заключать договоры с обременением, то есть заставлять их возводить детские сады, школы, обустраивать скверы, развивать инфраструктуру. И где вы встречали, кроме разве что Галицкого, социально ответственных капиталистов? Возможно, идея принятия регламента, ограничивающего высоту домов в Новороссийске в зависимости от района (в центре 25 метров, на окраинах – 40), выглядит несбыточной фантазией, однако имеет смысл хотя бы ее обсудить.

Каждый новороссиец скажет, что городу остро не хватает парковых зон. Цемесская роща, которую правильно называют легкими нашего города, скукожилась и с высоты выглядит, как маленькая зеленая заплатка. Да и река Цемес, давшая название бухте, превратилась в сточную канаву. Нельзя сказать, что городские власти не осознают этой проблемы. Как великая победа преподносится прецедент, когда на краю парка имени Фрунзе удалось отменить строительство очередного жилого комплекса. Но отстоять (да и то неокончательно!) удалось всего лишь маленький клочок земли! А рядом, на месте снесенного аквапарка, на деньги частного инвестора уже возводится еще один крупный гостинично-деловой центр. Безжалостно уничтожая небольшие старые дома, строительные компании тут же возводят жилые многоэтажки или гипермаркеты, но я не знаю ни одного случая, когда бы на освободившейся территории был разбит сквер!

До предела обострилась и транспортная проблема, которую пытаются решать старыми методами, то есть строительством новых дорог. Однако это приводит лишь к увеличению потока автотранспорта, что влечет за собой дальнейшее загрязнение воздуха выхлопными газами и еще большее число ДТП. Наши сограждане массово возлюбили внедорожники, и я часто вижу, как в пустом салоне массивного, похожего на автобус «Лэнд-ровера» или «Патриота» за рулем сидит субтильная дамочка. По улицам курсируют сотни шустрых и весьма неудобных для пассажиров маршруток, как правило, иностранного производства. Они то и дело устраи-

вают столпотворения на остановках, а их водители, как известно, не отличаются джентльменскими манерами. Зато троллейбусы ходят с очень большими интервалами, да и многие из них свой срок давно отслужили. В безумном порыве спешного перехода к капитализму в 90-е годы мы едва не угробили общественный транспорт, но и сейчас продолжаем следовать прежним ошибочным курсом. Политика властей в сфере организации городских пассажирских перевозок по меньшей мере недальновидна: главные коммуникации должны обслуживать только троллейбусы и автобусы, а транспортные средства небольшой вместимости можно пустить по второстепенным маршрутам. Безусловно, кардинальная перестройка работы пассажирского транспорта потребует целого комплекса подготовительных мер, чтобы частные перевозчики не оказались вдруг у разбитого корыта, а троллейбусный парк пополнился новыми машинами. Однако ликвидировать пробки на дорогах невозможно без принятия жестких непопулярных мер: в центре необходимо ограничить движение крупногабаритного легкового транспорта. Пусть владельцы внедорожников, пикапов и минивэнов пересядут на небольшие городские автомобили, желательно двухместные, или оставляют свои «Хаммеры» на дешевых или бесплатных стоянках, развитую сеть которых еще предстоит создать. Только в этом случае новороссийцы получат возможность быстрого и комфортного проезда в современных троллейбусах и автобусах или будут пользоваться велосипедами и самокатами без страха попасть под колеса массивного «Туарега».

Большинство жителей нашего города, причем не только коренных, но и переехавших в него со всех концов нашего бескрайнего Отечества, являются местными патриотами. Этому способствуют, прежде всего, насыщенная драматическими событиями история и особый характер Новороссийска. Мы воспитаны грозным норд-остом, привыкли терпеть различные причуды природы и коммунальные трудности, нас окружают многочисленные памятники нашим героическим предкам. Просвещенные граждане с гордостью осознают выдающуюся роль Новороссийска в судьбе Отечества. Однако еще одна заметная проблема города создана именно его жителями. Я имею в виду пагубную для архитектурного облика Новороссийска привычку владельцев квартир на свой вкус и манер уродовать фасады зданий разнокалиберными балконами и нелепыми пристройками. Нынешняя идеология внушает мысль, что частные интересы превыше всего, поэтому люди в большинстве своем руководствуются не общественным благом, а личной выгодой. Что уж тут говорить о среднестатистических обывателях, если один из моих товарищей, поэт, воспевший Новороссийск в хороших стихах, расширяя жилплощадь, к торцу трехэтажного дома пристроил двухэтажный сарай с гаражом! В результате полного отсутствия архитектурного надзора фасады едва ли не всех домов в Новороссийске обвешаны разноцветными закрытыми балконами, похожими на будки. Утешает лишь мысль, что типовые пяти- и девятиэтажные дома, построенные в прежнюю эпоху, настолько внешне примитивны, что еще больше изуродовать их весьма затруднительно. Но что нам делать с этим лишенным всякого эстетического достоинства советским наследием? Пятиэтажки сносят только в Москве, поэтому единственный выход – заняться реновацией фасадов типовых домов. Задача, конечно, непосильная для городского бюджета, но для начала нужно привести в порядок хотя бы несколько таких зданий на самых видных местах в центре.

Настоящая архитектура создает благоприятную окружающую среду, развивает в человеке эстетическое чувство, и очень обидно, что местные зодчие не сумели выработать единый архитектурный стиль, опираясь на творческие достижения предшественников. Впрочем, и в общероссийском масштабе ситуация в архитектуре, прямо скажем, удручающая, и у нас сейчас нет мастеров равных, например, Борису Иофану, Норману Фостеру или Кэндзо Тангэ.

На фоне обозначенных крупных градостроительных проблем Новороссийска бесчисленные архитектурные ошибки кажутся незначительными мелочами. Однако они иногда настолько бросаются в глаза, что портят облик города в целом. Я назову лишь некоторые самые вопиющие промахи, приведшие к эстетической деградации окружающей среды.

На первое место, видимо, следует поставить трехэтажную пристройку к Городскому дому, возведенному до революции по проекту С. Калистратова. Этот массивный флигель бес

церемонно нарушил архитектонику наиболее ценного архитектурного памятника Новороссийска и является свидетельством победы алчности и корыстолюбия над почти
тельным отношением к культурному наследию предков. Думаю, что рано или поздно просвещенная городская власть примет единственно правильное решение о его сносе. Примерно таким же варварством по отношению к художественным традициям города следует считать строительство похожего на ангар торгового центра «Смена» за спиной бронзового Пушкина. Очевидно, что на этом месте должно было появиться высококачественное архитектурное сооружение, причем не важно, в каком стиле. Это могла быть реплика снесенного после войны «Дома с орлом» или хай-тековское здание, но только не убогий прямоугольный объем, который воспринимается как издевательство над эстетическим чувством новороссийцев. Впрочем, оно имеется далеко не у всех, и я, например, не слышал ни одного публичного выступления против строительства «Смены», расположившейся как раз напротив творения Калистратова. И еще об одной архитектурной ошибке нельзя не сказать с большим огорчением. Речь идет о Дворце олимпийских видов спорта, территорию под строительство которого умудрились выделить в непосредственной близости от Суджукской лагуны, что неизбежно приведет к уничтожению окружающего ее уникального природного комплекса, а в перспективе убьет и саму лагуну. Правда, строительство этого «дворца», весьма напоминающего амбар, ведется столь долго, что его проект успел устареть. Наверное, пирамиду Хеопса древние египтяне построили значительно быстрее! Между прочим, наши экологи, рьяно выступавшие против строительства на Малой земле православного храма, почему-то не слишком критиковали городские власти, когда те решили «осчастливить» новороссийцев возведением крупного спортивного сооружения в самом неподходящем месте.

Я бы мог без конца перечислять архитектурные нелепости и несуразности родного города, которые порой воспринимаются как настоящие преступления. Однако цель статьи состоит в другом. Советский Союз до тех пор успешно конкурировал с Западом, пока реализовывал масштабные модернизационные проекты, генерировал самые передовые идеи. Наша прежняя сверхдержава рухнула с оглушительным треском из-за накопившихся противоречий и предательства элиты, которая попыталась играть по навязанным извне правилам, пойдя на поводу у западных «партнеров». Современная Россия, окруженная сплоченными в едином русофобском порыве странами, применяющими по отношению к ней жесткие экономические санкции и, по сути, ведущими против нас гибридную войну, может выстоять в этой беспощадной борьбе только в том случае, если предложит человечеству некие прорывные программы развития. На деле этого, к сожалению, не происходит. Мало того, зачастую у Запада мы учимся самому плохому, и это проявляется буквально во всех сферах нашей жизни, но особенно отчетливо – в качестве окружающей среды. В Новороссийске она не хуже, но и не лучше, чем в других сравнимых по величие и экономической значимости российских городах.

Строительство подобия земного рая сейчас ведется лишь в отдельно взятой Москве, но и там постоянно находятся недовольные, которые, воспользовавшись шаткостью нашей социально-экономической системы и напряжением в обществе, могут спровоцировать нешуточные беспорядки. Купировать угрозу новых потрясений способна только просвещенная и эффективная власть, которая должна более энергично реализовывать программу «Создание современной городской среды», инициированную президентом. Осознавая стоящие перед нами проблемы и разрабатывая реалистические планы их решения, администрация, общественность и социально активные жители Новороссийска, действуя как единая команда, по моему глубокому убеждению, способны превратить его в один из лучших городов нашего Отечества по благоустройству, качеству жизни и архитектурному облику.

Виктор ПАХОМОВ,

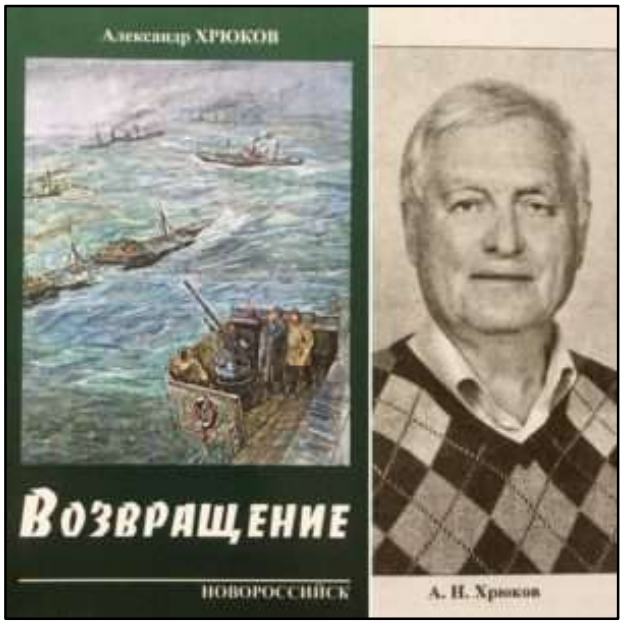
заслуженный учитель России,
член Общественной палаты,
член Художественного совета Новороссийска

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ НОВОРОССИЙЦЕВ
НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

За последнее время количество книг, посвященных нашему городу и написанных местными авторами, заметно прибавилось. Напомним о некоторых изданиях, с которыми многие наверняка уже встречались на презентациях или у полок с краеведческой литературой. В той или иной мере они рассказывают о военном прошлом нашей страны.

Александр Хрюков «Возвращение»

«На пятый день войны Михаил, скупо простившись с женой, как будто уходил в обычный рейс, прошел в колонне таких же сосредоточенных мужчин от военкомата до вокзала. Мобилизованным не выдали ни оружия, ни армейского обмундирования, и шли они кто в чем: в старых гимнастерках и пиджаках, несколько мужчин, в том числе Михаил, были в темно-синей морской форме. За спиной у каждого был вещмешок или самодельный рюкзак. Колонной по четыре человека в ряд по залитым ярким солнцем улицам города шли разные люди, и шли они по-разному. Отцы и мужья, те, кто 22 июня на митингах заявили: «Если понадобится, мы возьмем в руки винтовки, с автокаров и подъемных кранов пересядем на танки и ринемся в бой», – шли поглощенные своими думами о семьях, оставляемых, как всем тогда казалось, в глубоком, недоступном противнику тылу, об оставленной работе, надвигающемся тревожном будущем. Молодые парни, вчерашние школьники, на лицах которых светилась еще неуверенная радость от сознания того, что сбылось их стремление стать защитниками Родины. На тротуарах толпились жители города, и на лицах многих из них читалась тревога за судьбы этих, еще не вооруженных людей».



Виктор Пахомов «Поединки субмарин»

«В годы Великой Отечественной войны на Черном море действовали советские, румынские, немецкие и даже итальянские подводные лодки, превратившие его в арену жестоких драм и беспощадных трагедий. Самым жутким несчастьем стала точная торпедная атака М-118, уничтожившая немецкий транспорт «Зальцбург», вместе с которым утонули 2 100 советских военнопленных! И если в период Первой мировой войны на Черном море погибло всего шесть подлодок, то следующий глобальный катаклизм бук

вально усеял его дно останками мертвых субмарин. К сожалению, почти все они несли советский военно-морской флаг. Наш Черноморский флот потерял 27 лодок, еще две затонули во время испытаний и буксировки. Число погибших подводников составило без малого 1 000 человек».

Виктор Буравкин «Защитники Генуэзской башни»

«Господа! – произнес командир 73-й пехотной дивизии вермахта генерал-лейтенант фон Бюнау. – Мы меняем свою дислокацию в соответствии с приказом по армейской группе РОУФФ. Направление главного удара переместилось на Новороссийск. Фюрер придает особое значение взятию этой крупной военно-морской базы. Этот город – ключ к Черноморью. С падением Новороссийска открывалась дорога вдоль узкой проходимой полосы Черноморского побережья до самой турецкой границы и возможное вступление в войну нашего союзника. Взяв Новороссийск, мы блокируем Черноморский флот. У него остается один выход: идти через Босфор в воды турецких союзников. Там он будет уничтожен нашими подводными лодками. Новороссийску мы дадим новое название, славящее германское оружие, арийскую нацию и ее вождя. Отныне он будет носить имя нашего фюрера – Адольфштадт! Клянусь, господа, нашим богом и вот этим золотым крестом, который вручил мне лично фюрер, – город будет взят 25 августа!»

Галина Кольцевая «Новороссийск. История без пафоса»

«Недалеко от цементного завода «Октябрь» можно выйти к братской могиле, где в свое время был упокоен 881 боец. Сейчас здесь погребено намного больше, так как сюда подзахоранивали найденные в разное время останки погибших. 23 апреля 1957 года здесь установлена скульптурная композиция, изображающая двух воинов, преклонивших колени перед подвигом бойцов.

В десяти метрах от этого памятника установлен обелиск с красной звездочкой. На нем написано «Неизвестному защитнику Родины».

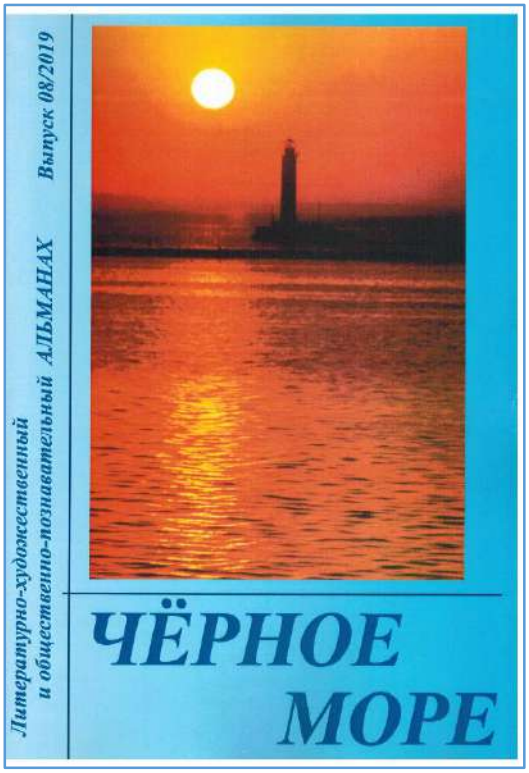
А тропа ведет дальше: вверху видны заросшие травой воронка, остатки блиндажей и разрушенного укрепления. Здесь тоже установлен памятник – белая с ярко-красной звездой вертикальная плита размером два на два метра.

Это место подвига. Здесь умирали, не пропустив врага. На памятнике надпись: «В районе цементных заводов был создан огненный рубеж, который остановил продвижение фашистов. Л. И. Брежнев».

С этих рубежей восточная группа войск 18-й армии и Черноморского флота и партизаны 10 сентября 1943 года начали штурм города.

«Красноармейцы и краснофлотцы. Командиры и политработники. Станьте скалой на пути врага». Это надпись на мемориальном ансамбле «Линия обороны», который был открыт 15 сентября 1978 года.

Литературно-художественный и общественно-познавательный альманах «Черное море».



Монолог бойца, пропавшего без вести
Празднуя Победу 45-го,
Вспомните про 41-й год.
Из него, пожарами объятого,
К вам мое послание идет.
Я убит на Буге первым выстрелом –
Тем, с какого началась война.
Помню, как огонь из мрака высветил
Левый берег. Взрыв… И – тишина.
Я упал ничком в траву за бруствером,
Пулями пробитый. Неживой.
Только сердцем, еще теплым, чувствовал,
Как земля дрожала подо мной.
Как она стенала и металась,
А ее пинал чужой сапог…
Боль земли в меня переливалась,
Но ничем помочь я ей не мог.
… В том краю с кудрявыми дубравами,
Где пронизан солнца окаем,
Каждый год я прорастаю травами,
Умываюсь снегом и дождем.
Сколько нас таких – «пропавших без вести» –
За четыре года полегло!..
Вы не сомневайтесь в нашей верности.
Нам уже и в том не повезло,
Что могилы наши безымянные
С тех, уже далеких, лет войны
Красною звездой не осиянные
Навсегда с землею сровнены.
Не приходят к нам поплакать матери,
Не шумят над нами тополя.
Бюстов не лепили с нас ваятели.
Мы – песок. Мы – глина. Мы – земля.

Евгений ЛАПИН

Алевтина Коновалова

Ты не плачь

Если я не вернусь с поля боя,
Ты, родная, не плачь, помолись
За погибшего мужа-героя,
За Отчизну отдавшего жизнь.

Журавлём я взметнусь над землёю,
Помашу на прощанье крылом,
Но всегда буду рядом с тобою,
Охранять от беды стану дом.

Ты, родная, не плачь и смиренно
Прими эту печальную весть
И пойми – это закономерно:
На войне убиенные есть.

Ты не плачь, я приду к тебе ночью,
Когда будешь усталая спать.
Расскажу, что соскучился очень
И присяду к тебе на кровать.

На руках обцелую мозоли
И приглажу волос взбитый клок.
Только жаль, не уйму твоей боли,
Ты прости, что вернуться не смог.

Если я не вернусь с поля боя,
Значит пал смертью храбрых за Русь.
Ты не плачь, помолись за героя,
Я во снах к тебе ночью явлюсь.

Война-злодейка

Они прощались на рассвете,
Не зная, что их дальше ждёт.
Ласкал их тёплый летний ветер,
Который знал всё наперёд.

Он знал, что парень не вернётся,
Погибнет в битве за Кавказ.
Любви их ниточка порвётся,
Что видятся в последний раз.

Бесцеремонно злодеяньем
Война растопчет их сердца,
И молчаливо в ожиданье
Стоит разлука у крыльца.

Война-злодейка разрушала
Их чувства светлые сердец
И навсегда их разлучала,
Не дав пойти им под венец.

Они не знали – обнимались,
Шуршала ясеня листва.
Они к друг другу прижимались,
Шептали нежные слова.

Хотел всё рассказать им ветер,
Но не умел он говорить
И виновато качал ветви,
Не зная, как их защитить.

У обелиска

У обелиска два солдата
Седые головы склонив,
Все имена прочтут и дату,
Слезу на камень обронив.
Здесь в сорок третьем бой кровавый,
Почти что месяц не смолкал.
Закат сливался с кровью алой,
И бушевал снарядов шквал.
Берёзки тенью прикрывали
В окопе раненых солдат,
Что ни на метр не отступали,
Теперь в земле сырой лежат.
В живых осталось только двое.
Спасли в санчасти жизни им,
Но время помнят роковое,
Где дождь свинцовый насмерть бил.
И каждый год на День Победы
У обелиска память чтут,
До белизны седые деды
Своим по стопочке нальют.
Друзей всех вспомнят поимённо
Узбека, чукчу, комяка,
Победы красные знамёна
И тётку с хлебом с хуторка.
Два старика у обелиска,
Приняв на грудь, слезу смахнут.
Кольнёт у сердца где-то близко,
И о друзьях своих взгрустнут.

Лина Бекян

Над курганом Мамаевым

Птицы поют.
На кургане Мамаевом лето.
На кургане Мамаевом
Плачет солдат.
Он вернулся сюда с того света.
Проплывают над ним паруса облаков.
А вокруг – белизна обелисков.
На кургане Мамаевом имя его
Среди павших
Начертано в списках.
Ах, не надо, не надо, не надо солдат.
Горьким плачем тревожить покоя.
Есть ли выше награда
Среди высших наград,
Чем с победой прийти с поля боя?

Погибшим на Малой

Года, года!
В пожарах пламени года,
Мы вспоминаем их в тоске и горе.
С зеленых берегов могил чьих череда
Глазами серыми гранита смотрит в море?
А вал морской,
Он плачет день и ночь
И словно шепчет имена погибших,
Как будто хочет он земле помочь
Рассказом о сынах, ее любивших.
И в памяти –
Сражений дни опять,
Они в былом не кажутся короче
Не дай нам бог опять переживать
В разрывах дни и траурные ночи.
И миг пройдет,
И снова предо мной
Все, что погибли тут в года лихие,
Вросли в морское дно,
В песок береговой,
В родное море, в берега родные.
Живые мы,
Пред ними наш ответ
За жизнь земли,
За правду и неправду.
Они его не спросят, их ведь нет,
Но все они незримо с нами рядом.
И мы храним
То солнце, что в войне
Вдруг потеряли за кровавой пленкой,
И нашу землю бережем вдвойне,
Как колыбель
Любимого ребенка.
А тем, что тут погибли в трудный час,
Быть может, не успев шепнуть родное имя,
Земной поклон от каждого из нас,
От нас от всех, оставшихся живыми.
Вздыхает море, как седая мать.
Уставшая от слез и ожиданья,
Оно весь век
Не перестанет ждать
Своих сынов на первое свиданье.
Оно в тоске на землю волны шлет
Как будто бы сынам навстречу милым.
И волны синие за годом год
Священным поклоняются могилам!

Неизвестному солдату

Бессмертной памяти достоин
Святую тишь могил хранит
Из камня вырубленный воин,
Он и при жизни был гранит.

Нет имени на пьедестале,
И неизвестно никому,
В каких краях о нем гадали,
В ночи рыдали по нему.

Как убивалась мать-старушка,
Отчизне предан, грозно строг,
Чужую смерть он брал на мушку
И лишь своей не подстерег.

Не оживить его слезою,
В бою тяжелом пал солдат;
Награда вечная герою –
Им защищенный Сталинград.

Любовь Ложкина

Как жаворонок, встану до рассвета,
Ещё в саду не смолкли соловьи,
Ещё в росу смородина одета,
А я пишу тебе стихи свои.

Село моё! Простое, без изысков,
Помечено грозой военных лет,
Всех тех, чьи имена на обелиске,
Ты помнишь, как и тех, кого там нет.

И пусть не блещешь ты своей красою,
Люблю тебя, как дети любят мать.
Ты мой причал, назначенный судьбою,
И мне его уже не поменять.

В сто пятьдесят тебе ночами снится,
Как будешь год от года хорошеть…
Мне ж остаётся,
чтоб могло ты мной гордиться,
Растить цветы и потихонечку стареть.

****

Родимая земля досталась мне в наследство,
Где отчий дом знаком от крыши до крыльца.
В его простых стенах
так остро пахнет детством,
Моё начало здесь и здесь дождусь конца.

Когда пою цветы колодезной водою,
Их столько в цветнике,
что всех не перечесть,
С небес их красотой любуются со мною
Родители мои – и мама, и отец.

Я дом их сберегу, а землю приукрашу,
И пусть ему идёт седьмой десяток лет.
Я внукам накажу сберечь обитель нашу –
Надёжней уголка на белом свете нет.

Окончены дела, пью чай в уютном кресле,
А рядышком у ног любимый пёс сопит…
Да разве на земле ещё найдётся место,
Где Родина, как мать, со мною говорит.

Валентина Чернышева

Обелиски

В далеком сорок третьем
Вернулись мы домой,
Сентябрьским рассветом
В Новороссийск родной.

Он встретил нас устало,
Все раны обнажил,
И кров он дал нам с мамой
На площади руин.

Нам крышей было небо
И звездная роса,
И ни кусочка хлеба,
Лишь мякоть кизила.

Да гроздья винограда
На солнечной горе,
Куда шли молча рядом,
Кто мог дойти извне.

Давил нас голод цепко,
Давил, не отпускал,
И сок тот винограда
Глаза нам оживлял

Мы рвали его жадно,
Глотали, не давя.
Мне говорила мама:
«Ешь, доченька моя».

Кусты пустели быстро,
Ни грозди не найти.
Но были обелиски
Из гроздьев на пути.

Там, где лежал убитый
Солдат войны второй,
Мы молча обходили
И кланялись с тоской.

Сентябрьским рассветом
Вернулись мы домой
В далеком сорок третьем
В Новороссийск родной

Александр Фомичев

Южно-Озерейский десант

Что за ночь... Может, было и хуже,
Может, было страшнее стократ.
В 43-м, в февральской стуже,
Погибал в Озерейке десант.

Катера гружены до отказа...
К месту высадки шли напролом
Болиндеры, буксиры, баркасы,
Шли на смерть, да не знали о том.

Подошли канонерские лодки,
Ротный крикнул: «Ребята, вперёд!»
Но противник прямой наводкой,
Стал расстреливать с берега флот.

Били гаубицы, пулемёты,
Бил прожектор совместно с пальбой;
Поливали огнём доты, дзоты,
Но десантники бросились в бой.

В темень прыгали ледяную,
По кровавому месиву вод
Выгребали, боролись, тонули,
Замерзали, но шли вперёд.

И железо летело градом,
От соляры горела вода!
Стало Чёрное море адом,
Растянулись минуты в года.

Там не выжил бы и бессмертный,
Этот бой стал для всех роковым.
Но десантнику путь предначертан,
Чтоб из рубища выйти живым!

Из воды поднимались тени,
Вырастали из-под земли,
Шли на минные загражденья,
Погибали… и... снова шли!

Солнце выглянуло со страхом,
И запряталось сразу во тьму.
Но не всё обернулось крахом,
Бой гремел в сумасшедшем дыму!

Вот и прорвано загражденье,
И десантники, торопясь,
Взяли Глебовку, без сомненья,
Как велел боевой приказ!

Завладели посёлком сходу.
Уничтожив румын гарнизон,
Но, попав в окруженье пехоты,
Отошли на лесной горный склон.

С самолёта с приказом страничка
Прилетела, велел командарм
Всем, кто живы, идти на Станичку,
Там отбили у немцев плацдарм!

Круговую заняв оборону,
Отбивались, кто был ещё жив,
И лишь ночью, без сил и патронов
Через гору пошли, на прорыв...

То была непростая атака,
Словно схватка живых мертвецов!
Снова гибли. Вставали, однако,
И прорвали фашистов кольцо!

Вновь неся боевые потери,
По горам уходили, во мрак.
И стрелял наугад, не целясь,
Нашим в спины трусливый враг
.
Вдалеке громыхали раскаты,
Как протяжный, безумный вой:
В Озерейке ребята в бушлатах
Всё вели беспощадный бой.

Разве знал кто, где та Станичка,
И куда в темноте идти?
Выбирались как поединично,
Так и в группах, пяти-шести.

По наитию части бригады
Шли на всполохи, напрямик;
И порой уводил от засады
Чей-то близкий предсмертный крик.

Самый крупный отряд с боями
Всё ж дошёл-таки до своих,
Остальные стоят строями,
Ждут, чтоб вспомнили и о них.

Что за ночь... Может, было и хуже,
Может, было страшнее стократ,
Только в этой февральской стуже
Погибал в Озерейке десант...

Немцы жителям объявили,
Что за помощь матросам – расстрел;
Не кормили чтоб, не ютили
И докладывали в отдел.

И конечно, люди боялись,
За себя, за своих детей.
Всё равно своим помогали.
Помогали. Да жаль, не все.

По горам, по лесам пробираясь,
К Цемдолине добравшись с трудом,
Пять десантников, опасаясь,
Постучаться решили в дом.

Не пускали их корни деревьев,
Снежный ветер сбивал их с ног.
Помнят, было когда-то третье...
Третий дом от угла... Порог...

Их хозяйка – в подвал, за дверцу,
Ляду заперла на засов,
А сама побежала к немцам,
Чтобы сдать пятерых бойцов...

Потеряла хозяйка разум
В эту жуткую, зябкую рань.
А солдаты уснули сразу,
От усталости, и от ран.

Немцы вызвали подкрепленье,
Взяли хату сплошным кольцом.
Бесполезно сопротивленье,
Выходи! Под прицелом дом!

Объявляли неоднократно:
Гарантируем жизнь! Выходи!
Выходи, офицеры, солдаты!
Внутрь боялись, однако, войти.

По округе детей собрали,
И отправили русских позвать.
Сами цепью тройною стали,
Дом с землёю готовы сравнять.

Подошли ребятишки к хате,
Дверь открыли, вошли гурьбой,
Сообща приподняли ляду,
Тишина. Тишина, покой.

Вдруг услышали стон и вздохи,
Сразу поняли: там кто-то есть.
Котелком по доске погрохав,
Сообщили тяжелую весть:

– Просыпайтесь, уже светает,
Выходите, вас немцы ждут.
Выходите. Они всё знают.
Обещали, что не убьют.
.
Еле-еле проснулись хлопцы,
А подняться – невмоготу.
Где-то там поднимается солнце
На огромную высоту.

Также светит для всех, игриво,
Всё для жизни, гуляй да пой...
А для них – лишь подвал унылый,
Да последний, решительный бой.

Только нечем, увы, сражаться,
Пять патронов на пятерых.
Пять патронов, чтоб в плен не сдаться,
Пять патронов, дай Бог, не сырых.

Много немцев снаружи? Гляньте.
Очень много, со всех сторон! –
Уходите мальцы, прощайте.
Передайте: уже идём.

Это что ж получается, братцы,
Нас фашистам хозяйка сдала?
И куда ж нам теперь деваться?
Как у птицы бы, два крыла...

С пулемёта пальнули дважды,
Дом прошила струя свинца.
Нет, ребята, сказал самый старший,
Расстреляют нас всех, у крыльца.

Как хотите, а я – как знаю.
Вы простите, коль что не так...
Грянул выстрел, и в стену, с краю,
Головою ткнулся моряк.

И никто не сказал ни слова,
Все задумались о своём;
Лишь снаружи немецкий говор
Долетал до них сквозь проём.

Что ж, встречай нас, Господь, с оркестром,
Завершим свой последний бой!
Не нашлось на земле нам места,
Прощевайте, ребята. Отбой...

И в бессмертье солдатские души
Ранним утром ушли в небеса.
Что за ночь.... Разве может быть хуже?
Талый снег на стволе, как слеза.

Их тела доставали в страхе.
Вдруг очнутся, вдруг оживут?
Офицер козырнул, и по взмаху
В честь ребят дали немцы салют.

На Руси немало историй:
Коль на нашей земле война,
Нет покоя живым и мёртвым.
Враг получит своё сполна.

Стало немцам вдвойне неспокойно,
И в посёлке, и в наших лесах;
Уцелевших бойцов с той бойни
Стали к нашим вести голоса:

– Осторожно! Прожектор на вышке!
– Там колючка вдоль стен пролегла!
Уходи через гору, братишка...
Не стучись в третий дом от угла!

Не стучись в третий дом от угла...

Любовь Васильева

Керчь – город-герой

В веках немеркнущая слава,
В граните выситься искрит.
Гордиться городом держава,
И на войне, погибших чтит.

Керчь, повидала ты немало,
Из пепла возродилась вновь.
Врагам на зависть краше стала.
Чарует звон, блеск куполов.

Священный мир хранят керчане.
Спокойно ночью дети спят.
Под звездным небом неустанно,
На страже вечно Митридат.

Елена Волкова

Герой

Нам всем говорили – чем дальше война,
Тем меньше в стране героизма.
Погрязла в компьютерных играх страна,
Спасавшая мир от фашизма.

Что канул в забвение патриотизм,
Наш лозунг – набить бы карманы.
Отчизна и Родина – идеализм,
В стране не прожить без обмана.

И вдруг нас тряхнуло –
есть в сводках герой,
Да так, что страна загудела.
Воронежский летчик, майор молодой,
Погибший за правое дело.

Война с терроризмом, сирийский ИГИЛ,
Угроза реальному миру.
Сверхмощный снаряд истребитель подбил
В окрестностях Серокаиба
.
И жизни своей не узнавший цены,
Бессмертье – такая оплата.
Он крикнул ребятам: – «За вас, пацаны!»
Срывая чеку от гранаты.

И взрыв прогремел, нарушая покой,
В долине селенья Идлиба.
Здесь парень российский погиб как герой,
Запомните – Рома Филиппов!

Елена Непиющая

Победный май

Сирень цветёт в победный май,
Весна бушует в День Победы!
Спасибо вам за жизнь и рай,
Спасибо за геройство, деды.

Стояли насмерть день и ночь
Глаз не смыкали в лютый холод.
Вас ждали дома мать и дочь.
Враги громили каждый город.

Теперь мы счастливо живём
И страха смерти мы не знаем,
Дорогой верною идём
Вас никогда не забываем!

За доблесть низкий вам поклон.
Что победили иго злое.
Нальём бокалы мы вином
За то, что мы живём в покое!

Мой дед

Так быстро годы пролетели,
Болит душа – одна тоска.
И письма с фронта пожелтели –
Нам это память на века.

Пишу я эти строки деду,
Что смертью храбрых пал в бою
Как жаль, не видел он победы,
Не смог вернуться он в семью.

Досталось горя и бабуле –
Шесть деток на её плечах.
Душа болела о дедуле,
Жила с молитвой на устах.

Таких, как дед мой – миллионы
Остались на полях лежать.
Стою молюсь я у иконы –
О них я буду вспоминать!

Галина Усова

Петербург величавый

Петербург величав на рассвете...
Купола и дворцы ПЕТРА века
Пронесли красоту без секрета,
Площадей лебединые песни...

Нет волшебнее места, чем Стрелка,
Где сливается море с Невою,
Где сливается небо с рекою,
В синем цвете купается Стрелка.

Где колонна краснеет на рейде,
Пропуская под своды столицы.
Над мостами играют зарницы…
Паруса осветив на корвете.

И вечерним фанфарам искрящим,
Рукоплещет теперь поколенье
Молодое... Встречает рассветы
АЛЫЙ ПАРУС, летящий, манящий...

Цвет калины

Как цветёт ошалело калина...
Белым пламенем в зелени куст...
Очарованно, в кружеве дивном,
Как к невесте рукой прикоснусь...

Ощущение влажного утра,
Между пальцами зонтик цветов
Проскользнул, словно шёлковый узел,
Развязал на невесте покров.

Распушились цветы, не стесняясь
Красоты своих нежных цветов...
Лепестков белоснежных касаясь,
Руки словно белы от снегов...

Полог платья, расшитого нежным,
Заиграл, как зелёный велюр.
Спрятан ствол под раскидистым пледом,
В белозвёздном, калина-раю...

Михаил Ярохович

Борькина любовь

Много лет в соседних сёлах
Жили-были кумовья:
У Петра был хряк весёлый,
У Павла́ была свинья.

За бутылкой самогонки,
Что в любом селе в чести,
Заключили сговор тонкий –
Машку с Борькою свести.

– Как узнать, готов ли Борька?
– Он готов, коль хвост крючком!
И допив бутылку горькой
Кумовья сошлись на том.

Утром видит Пётр в сарае,
Что у хряка хвост крючком,
Время даром не теряя,
Пётр за каской сбегал в дом.

Он надел на хряка каску,
Чтоб не трогало ГАИ,
Посадил в мотоколяску
И отвёз во власть свиньи.

Машка с Борькой рады были,
Но в особенности – он,
А пока они любились
Кумы пили самогон.

Так вот около недели
Ежедневно вновь и вновь
Пётр и Павел пили-ели
За свиней, за их любовь.

В понедельник Пётр проснулся,
Просит бабу с бодуна:
«Глянь, там хвост не завернулся?
Посмотри скорей, жена!»

Посмотрев, жена сказала:
«Хвост у хряка не видала,
Потому что Борька в каске
Ждёт тебя в мотоколяске!»

Пенсионная реформа

пора бы в норму
Пенсионную реформу,
Депутатам-патриотам,
Чтоб была в размере МРОТа,
А правителям-врунам
Чтоб была такой, как нам
Пенсия законная
Конституционная.

Борьба с коронавирусом

Что сказать об успехах страны?
Без успехов ей жить не пристало!
Меньше всех у России больных,
Потому что проверенных мало.

Режим коронавируса

Мы с женой соблюдаем режим,
По отдельности в койке лежим:
Её с койки сдувает, как ветром,
Если я подхожу на полметра.

Молитва

Дай, Бог, народам – мира,
Царей – не чудаков,
Бездомным дай квартиры,
А бабам – мужиков.

Дай, Бог, мужчинам – водки,
Начальству – новый чин,
А ветреным красоткам –
Порывистых мужчин.

Дай, Бог, чтоб мы без меры
Не мучили Тебя,
Дай нам побольше веры
Не в Бога, а в себя.

Господь, Тебе нечасто
Шлю стоны, просьбы ли...
Когда дашь людям счастье,
Меня не обдели.

Содержание

От чистого истока 5

Николай Турчин
Новороссийск в период ВОВ 1941-42 года 6

Виктор Буравкин
Новороссийский Матросов…. 11

Документ военного времени 18
Объявления

Евгений Рожанский
«Одно воспоминание о казачьей атаке» 20

Татьяна Рыбалко
«Как закалялась сталь» 25

Василий Хонин
Фотографии военного времени, Новороссийск 28

Людмила Скурихина, Наталья Арнаутова
Чехи на Кубани 30

Людмила Миленина
Война прошла через жизнь 33

Надежда Чепига
Военная история о разных судьбах 36

Вячеслав Волков
В июне сорок первого 38

Владимир Чернышев
Фронтовые воспоминания 40

Светлана Баранник
Любимая книга детства 41

Анатолий Караваев
Графика 42

Валентина Чернышева
Два приключения Джимми в Новороссийске 44

Галина Дмитриева
Из рода в род 45

Наталия Куджоян
Соколы 46

Сергей Шелепень
Шляпа 47

Людмила Утянская
Вера Ивановна Онипченко 48

Людмила Утянская
Фашизм она узнала с малых лет 50

Бина Есина
Патриотки всегда в строю 51

Юрий Букаренко
Памяти не доживших 57

Анатолий Нилов
Создать пантеон героев в Новороссийске 63

Виктор Пахомов
Градостроительные проблемы Новороссийска 65
Евгений Лапин
На книжной полке Новороссийцев новые издания 69

Поэтические строки

Алевтина Коновалова
Ты не плачь, Война-злодейка, У обелиска 72
Лина Бекян
Над курганом Мамаевым, Погибшим на Малой, Неизвестному солдату 73
Любовь Ложкина
Село моё, Родимая земля 74
Валентина Чернышева
Обелиски 74
Александр Фомичёв
Южно-Озерейский десант 75
Любовь Васильева
Керчь 77
Елена Волкова
Герой 77
Елена Непиющая
Сирень Победы, Мой дед 78
Галина Усова
Петербург величавый, Цвет калины 78
Михаил Ярохович
Борькина любовь, Борьба с коронавирусом, Режим коронавируса, Молитва 79

Истоки

История. Культура. Краеведение

Альманах № 4

Выпускающий и технический редактор
А. Ю. Коновалова
Редактор: Л. Б. Бойко
Корректор: А. П. Белова.
Консультант: В. Б. Пахомов

Если вы творческий человек, ваша работа может быть размещена
на страницах нашего альманаха независимо от возраста.
Редколлегия рассмотрит каждую работу индивидуально.
Контактный телефон: **8 938 865 32 79**.

Идея создания альманаха А.Ю. Коноваловой и А. П. Беловой

Подписано в печать 20.09.2020. Формат 69х90/16. Усл. печ. л. 7,6
Тираж – 150. Издательство «Одиссей». 353907.Краснодарский край.
г. Новороссийск, ул. Видова, 109, тел.: (8617) 21-19-24,
Отпечатано в типографии ИП Кобылинский В.Н.:
353907, Краснодарский край, г. Новороссийск, ул. Козлова, 47.
Тел: 8 (8617) 64-41-54

ЦЕЗАРЬ ЛЬВОВИЧ КУНИКОВ

Командир 3-го боевого участка противодесантной обороны
Новороссийской военно-морской базы Черноморского флота,
командир отдельного вспомогательного десантного отряда морской пехоты, майор

1941
1945
Прошлое в настоящем
ПОБЕДЕ - 75!